
Кебба Сункунг Сингате
из Гамбии
станет врачом
Репортаж в номере
из Университета
дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 43 ОКТЯБРЬ 1984

Новокраматорский машиностроительный завод. Самые тонкие операции на деталях-громадинах проводит токарь-виртуоз Виктор Глушко.

С. КАЛИНИЧЕВ,
фото И. ГАВРИЛОВА

Когда разговариваешь с этим человеком, не оставляет чувство, будто прикасаешься к обнаженному нерву нашей Истории.

Как известно, история делается людьми. Каждый творит какую-то ее частицу — кто малую, кто большую. Константину Михайловичу Баландину повезло: он участвовал руками своими, сердцем, умом, всею жизнью своей в очень важном процессе — рождении и становлении советского машиностроения.

В конце двадцатых годов Константин Михайлович работал в Краматорске на старом машиностроительном заводе, восстановленном после гражданской войны. Рядом, на правом берегу Казенного Торца, разворачивались удивительные события. Весной 1929 года городок был взбудоражен приездом Г. К. Орджоникидзе. На встрече с партийным активом он сказал, что под Краматорском будет сооружаться машиностроительный гигант, равного которому нет в Европе.

И вскоре в городском клубе металлистов появилась выставка, где в рисунках и макетах тысячи людей могли увидеть будущий завод и сказочный социалистический город: многоэтажные жилые дома, Дворец культуры, школы, институт, фантастические корпуса цехов.

— Это сейчас на Новокраматорском семь тысяч инженерно-технических работников,— говорит Константин Михайлович,— а в ту пору нас в городе была всего горстка, на виду каждый. Директором старого завода, где я тогда работал в техническом отделе, был Иван Тарасович Кириллкин, по его собственным словам, «сын донбасского шахтера, бывший беспризорный, затем тормозчик на шахте, электротехник и, наконец, хозяйственник, воспитанный нашей партией». Его-то по совместительству и назначили директором «Краммашстроя». И перевели с ним на новый завод несколько специалистов, в том числе меня. Можно сказать, передали по ведомости...

Невиданная стройка разверну-

Машиностроители! Создавайте высокопроизводительные, экономичные и надежные машины, приборы, средства механизации и автоматизации!

Из Призывов ЦК КПСС к 67-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

КОЛЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (2988)

20 ОКТЯБРЯ 1984

При обработке стодвадцатитонных валков без автоматики не обойтись. Машинист Владимир Чередниченко и старший мастер Виктор Пряхин за пультом управления.

БЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

См. стр. 6.

Встреча на аэродроме. Фото А. Гостева

С ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 15 октября в Москву с рабочим дружественным визитом прибыл Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад.

На Внуковском аэродроме Х. Асада тепло встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

16 октября в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения, Президентом Сирийской Арабской Республики Хафезом Асадом. В них участвовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, первый заместитель министра обороны, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР С. Ф. Ахромеев; с сирийской стороны — вице-президент САР А. Хаддам, заместитель Председателя Совета Министров САР, министр обороны М.Тлас, член Регионального руководства ПАСВ А. Дияб, член Центрального руководства Прогрессивного национального фронта САР Д. Нааме, государственный министр планирования К. Шараф, министр экономики и внешней торговли С. Ясин, министр иностранных дел Ф. Аш-Шараа.

В ходе переговоров, прошедших в атмосфере взаимопонимания, дружбы и сердечности, К. У. Черненко и Х. Асад с удовлетворением отметили, что многогранные отношения между Советским Союзом и Сирией, КПСС и ПАСВ успешно развиваются на прочной основе Договора о дружбе и сотрудничестве, достигли высокого уровня и продолжают крепнуть.

К. У. Черненко и Х. Асад выразили убеждение в полезности и важности встреч между руководителями двух стран как для дальнейшего успешного развития советско-сирийских отношений, так и для координации действий в ближневосточных делах и по другим международным проблемам.

На переговорах присутствовали: с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенц, посол СССР в САР Ф. Н. Федотов и заведующий отделом стран Ближнего Востока МИД СССР В. П. Поляков; с сирийской стороны — посол САР в СССР М. А. Халяби, заведующий отделом Восточной Европы МИД САР Д. Кафри.

Во время переговоров. Фото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

Проводы в Кремле. Фото А. Гостева

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

11 октября из Советского Союза отбыл Президент Йеменской Арабской Республики Али Абдалла Салех. Он находился в нашей стране с официальным дружественным визитом по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Перед отлетом в Кремле, на площади у Большого Кремлевского дворца А. А. Салеха провожал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

В церемонии приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, другие официальные лица.

На аэродроме Президента ЙАР провожали Н. А. Тихонов, Г. А. Алиев, В. И. Воротников.

В числе провожавших находился посол ЙАР в СССР А. О. Мухаммед, главы дипломатических представительств ряда зарубежных стран, аккредитованные в СССР, студенты из ЙАР, обучающиеся в советских вузах, представители трудящихся Москвы.

КУРСОМ ДОВЕРИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

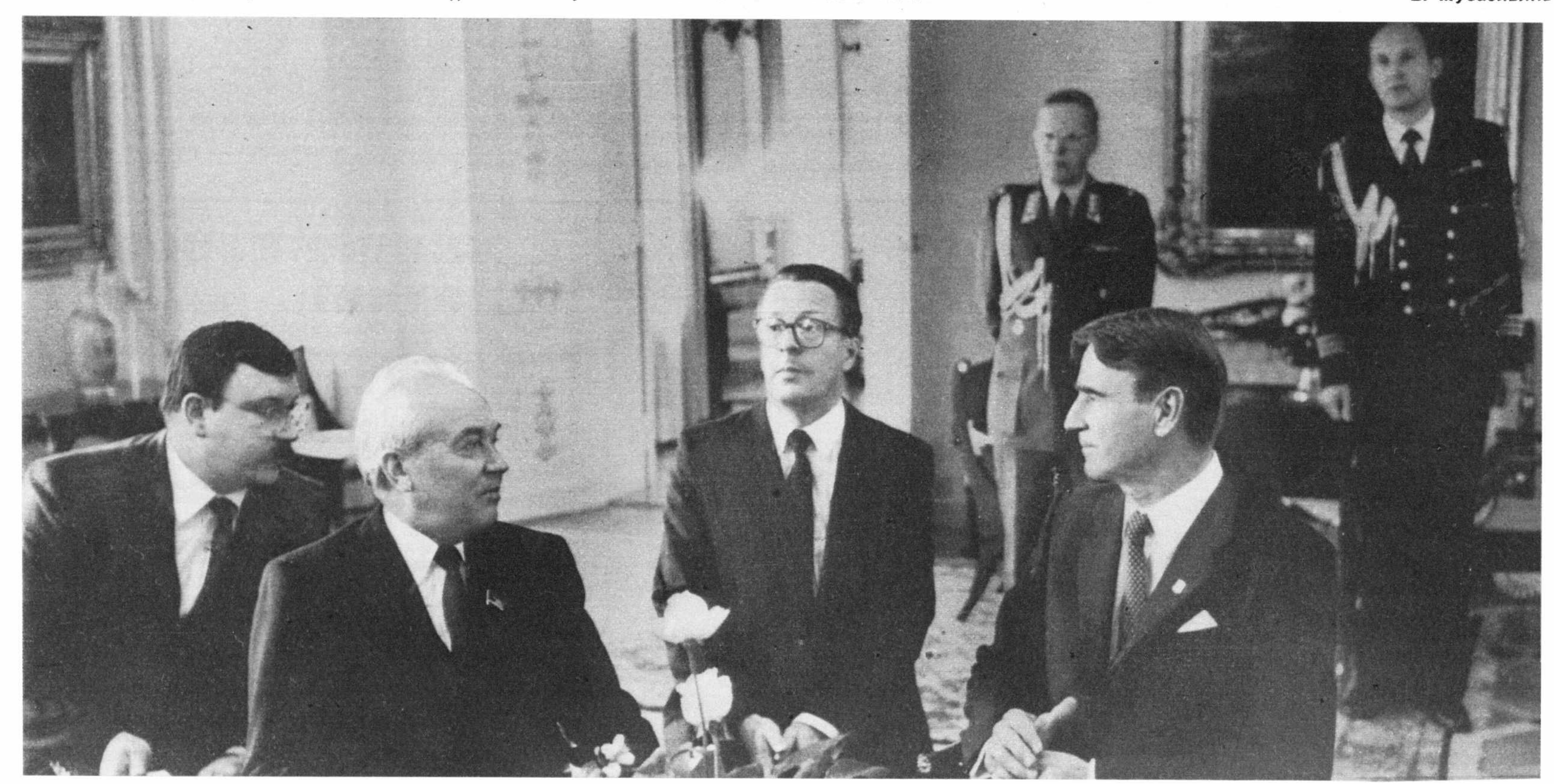
Доброе партнерство, основанное на долговременных, принципиальных, прочных факторах, вот уже 40 лет характеризует отношения между Финляндией и Советским Союзом. 40-летию соглашения о перемирии с Финляндией и создания общества «Финляндия — Советский Союз» было посвящено состоявшееся 14 октября в финляндской столице торжественное собрание. Общественность наших стран широко отмечает эту знаменательную дату в советско-финляндских отношениях и выражает твердое стремление обеих сторон и впредь идти плодотворным курсом дружбы, доверия и сотрудничества.

На собрании в празднично украшенном зале Дома культуры присутствовали Президент Финляндской Республики М. Койвисто, советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Г. В. Романовым, другие советские гости, председатель парламента Э. Пюстюнен, премьер-министр К. Сорса, члены парламента и правительства Финляндии, руководители общества «Финляндия — Советский Союз», партийные и общественные деятели, представители общественности Хельсинки.

Тепло встреченные присутствующими, на собрании выступили М. Койвисто и Г. В. Романов.

На снимке: во время беседы с Президентом Финляндской Республики М. Койвисто.

Фото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

Кишинев. Во время торжественного заседания ЦК Компартии Молдавии и Верховного Совета республики, посвященного знаменательной дате.

Телефото В. Кузьмина и А. Симановского (ТАСС)

ТОРЖЕСТВА В КИШИНЕВЕ

Большой и радостный праздник пришел на землю Советской Молдавии. Трижды орденоносной Молдавской Советской Социалистической Республике и ее компартии исполнилось 60 лет.

13 октября в Кишиневе состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Молдавии и Верховного Совета республики, посвященное знаменательной дате.

С большим подъемом был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

Тепло встреченный собравшимися, на заседании выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

— В этот радостный день,— сказал, в частности, оратор,— я с огромным удовлетворением выполняю поручение Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. Он просил передать вам, а в вашем лице коммунистам, всем трудящимся республики свои сердечные поздравления и добрые пожелания...

В. В. Гришин подчеркнул, что москвичей и трудящихся Молдавской ССР, всех братских республик связывают нерушимая дружба и взаимопомощь.

На заседании с докладом выступил первый секретарь ЦК Компартии Молдавии С. К. Гроссу. От имени коммунистов, всех трудящихся республики он выразил глубокую благодарность Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР за теплые слова приветствия.

Фрунзе. Торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии и Верховного Совета Киргизской ССР, посвященное 60-летию образования Киргизской ССР и Компартии Киргизии.

Телефото Б. Кавашкина (ТАСС)

ПО ПУТИ СОЗИДАНИЯ

Свежий ветер с заснеженных вершин Тянь-Шаня полощет алые стяги, украсившие города и села Киргизии. Праздник пришел на древнюю землю — отмечается 60-летие Киргизской ССР и компартии республики.

13 октября во Фрунзе состоялось торжественное заседание ЦК Компартии Киргизии и Верховного Совета республики, посвященное знаменательной дате.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На заседании тепло встреченный присутствующими выступил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР В. И. Воротников.

— В этот знаменательный день,— сказал он, в частности,— мне доставляет большое удовлетворение выполнить поручение Константина Устиновича Черненко — передать вам, всем трудящимся республики сердечные поздравления и добрые пожелания успехов во всех областях хозяйственной и культурной жизни...

Праздник киргизского народа проходит в знаменательное время. Наша страна вступает в завершающий этап пятилетки. Успешно претворяются в жизнь установки XXVI съезда КПСС, развитые и конкретизированные на последующих Пленумах Центрального Комитета партии, в выступлениях товарища К. У. Черненко.

Выступивший на заседании с докладом первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев выразил горячую благодарность ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР за большую заботу об экономическом и культурном развитии республики.

Киев. Торжественное заседание, посвященное 40-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков.

Фото ТАСС

НЕМЕРКНУЩИЙ ПОДВИГ

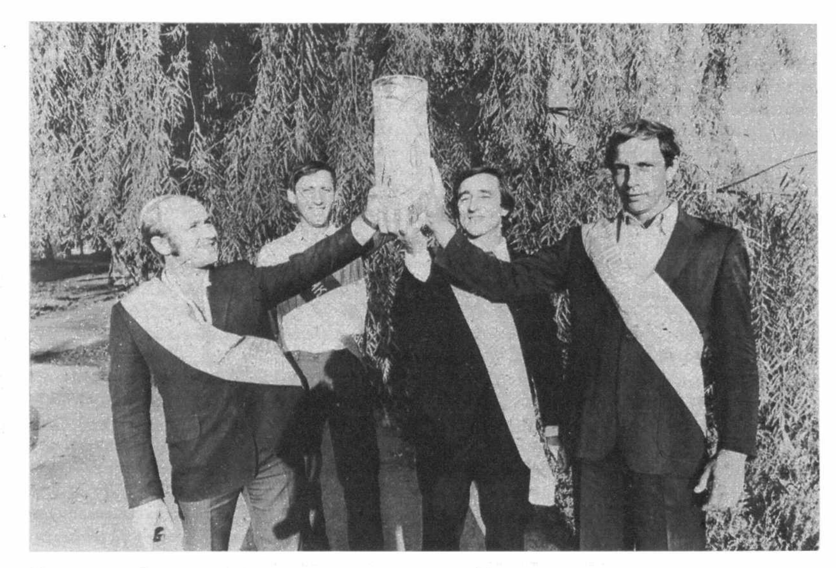
12 октября в Киеве состоялось торжественное собрание, посвященное 40-летию освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков.

Участники собрания с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

С докладом на собрании выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий. Сейчас, сказал он, мы как бы заново переживаем ту огромную радость, которую испытал народ Советской Украины в октябрьские дни 1944 года, когда после страшной ночи фашистской оккупации над всей республикой вновь взошло яркое солнце свободы. 40-летие освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция республики отмечают в обстановке высокого патриотического подъема, монолитной сплоченности вокруг родной Коммунистической партии. Трудящиеся Украины всем сердцем одобряют ленинскую внутреннюю и внешнюю политику партии, своим трудом активно поддерживают плодотворную деятельность Центрального Комитета КПСС и его Политбюро.

ТАМ, ГДЕ ТРУДНЕЕ

ПРИЗ ВРУЧЕН КОМПЛЕКСНОЙ БРИГАДЕ Г. М. ФОМЕНКО

В Волгодонске бригаду Георгия Михайловича Фоменко знают, похоже, все. Поэтому я мог спросить любого: самая приметная характеристика фоменковцев?

— Надежность,— сказали мне.— Надежность!..

Депутат Верховного Совета СССР, бригадир штукатуров-маляров Е. В. Колобекова уточнила:

— Когда работают фоменковцы, любо-дорого посмотреть. Все у них ладится, все по делу, ни одной пустой минуты. У бригады обостренное чувство ответственности перед стройкой.

Заместитель секретаря парткома треста «Волгодонскэнергострой» М. П. Николаевский:

— Бригада с характером. Идут туда, где труднее, где этот характер можно и проявить и закалить.

Поэтому бригаде Фоменко поручают самые ответственные участки. Не подводят...

И наконец, строки из газеты «Знамя строителя», из того номера, в котором отмечалось награждение волгодонских строителей призами творческих организаций: бригада Георгия Михайловича Фоменко известна всей стройке. Если этот сплоченный и высококвалифицированный коллектив дал слово, можно быть уверенным: оно будет сдержано... Отстающих звеньев в бригаде нет, как нет и подводящих коллектив членов бригады.

Надо еще сказать, что трудятся члены бригады Г. М. Фоменко на строительстве проходных тоннелей завода «Атоммаш». Значит, это будут добротно сделанные тоннели.

...Остается добавить, что с бригадой Г. М. Фоменко, как и с другими строителями Волгодонска, встречалась бригада «Огонька» — солистка «Москонцерта» Мухаббат Абдулаева, модельер Галина Цуканова, поэт Евгений Антошкин, автор и исполнитель песен Аркадий Смирнов.

К. БАРЫКИН
Фото С. Петрухина,
спец. корреспонденты «Огонька»

Волгодонск.

ОТЧИТЫВАЕТСЯ КАМАЗ

На всесоюзной выставке «Автопром-84» был проведен «День КамАЗа». Сюда пришли представители министерств, ведомств и предприятий, работающих по «автомобильной» тематике, студенты автодорожного и автомеханического институтов, посетители ВДНХ, на территории которой развернута экспозиция «Автопром-84».

Выступая перед собравшимися, заместитель директора Камского объединения по производству большегрузных автомобилей Н. Н. Волосков и заместитель главного конструктора объединения Р. А. Азаматов рассказали о пути, пройденном КамАЗом, о его достижениях в текущей пятилетке, перспективах на ближайшее и более отдаленное будущее.

Много внимания выступившие уделили новым разработкам и вопросам совершенствования автомобильной техники, выпускаемой объединением. При этом рассказы наглядно иллюстрировались образцами продукции, к производству которой труженики КамАЗа готовятся приступить. Особое место среди новых образцов занимают машины, предназначенные для обслуживания сельского хозяйства.

С большим интересом было выслушано сообщение бригадира литейного завода объединения, кандидата в члены ЦК КПСС Г. С. Баштанюка об опыте бригадной организации труда.

— Сегодня,— сказал Геннадий Сергеевич,— бригадной формой организации труда у нас охвачено уже 95 процентов рабочих основного производства.

Закончился «День КамАЗа» концертом. На открытой площадке выставки выступили самодеятельный ансамбль «Камские узоры» и хор «Сагдаш».

— Думаю, что этот день надолго останется в памяти всех его участников,— сказал корреспонденту «Огонька» секретарь парткома объединения П. П. Полторыхин.— Непринужденный обмен мнениями, дискуссии, проводившиеся здесь, помогут нам лучше разобраться в своих проблемах, более четко увидеть перспективы совершенствования автомобильной техники и производства.

В. ЛЕВСКИЙ,
фото автора

ВПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

На северные трассы вышли крупнотоннажные теплоходы Черноморского морского пароходства «Изгутты Айтыков», «Парфентий Гречаный», «Зоя Космодемьянская». Они доставляют в Новый Порт (Обская губа) трубы большого диаметра для сооружающегося магистрального газопровода Уренгой — Центр.

У каждого из теплоходов грузоподъемность 50 тысяч тонн, и за один рейс он берет на борт свыше 30 километров труб. До сих пор к берегам устья Оби ходили суда ледового класса, которые везли всего по две-три тысячи тонн грузов.

Успешно осуществляя сложную, но эффективную транспортную операцию по прямой доставке оборудования непосредственно в район строительства, черноморские моряки вписали новую яркую страницу в историю освоения Северного морского пути. Они доказали возможность эксплуатации крупнотоннажного транспортного флота и к тому же полностью высвободили железнодорожный транспорт: за счет каждого такого рейса—более двух тысяч вагонов. Сведенное до минимума количество транспортных операций, безусловно, способствует улучшению сохранности, качества дорогостоящих труб, предназначенных для газопровода.

Я. ЛЕВИТ

На снимке: разгрузка труб большого диаметра для строящегося газопровода.

Фото автора

См. II обл. и 1-ю пол.

КОЛЫБЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

лась в степи. Она походила на все знаменитые стройки тридцатых годов: тысячи землекопов, лопаты, мастерки, заплечные лотки для переноски кирпича — «козы». Только на очень тяжелых грунтах работали несколько экскаваторов, самый большой из них, с ковшом в один кубометр,— немецкой фирмы «Менк»... Люди ставили рекорды. Бригадир землекопов Иван Клесов обычной лопатой выкопал и отбросил както за день 25 кубометров грунта, это было мировым достижением; Клесова так и называли — «человек-экскаватор».

Завод был сдан досрочно — 28 сентября 1934 года.

— Это был всенародный праздник,— не замечая, как с глаз срываются слезы, вспоминает Константин Михайлович.— Трибуну сколотили, словно хоромы, людей —море. Пришли с женами и детьми. В небе аэропланы кружат. Музыка. Гости со всей страны. Выступали Орджоникидзе, Кирилкин, бетонщик Мовлев... Приехал Антон Семенович Макаренко с воспитанниками-коммунарами. Некоторые из них остались работать на заводе... Я сам водил по цехам большую группу писателей. Да что там!.. К этому дню даже выпустили папиросы «Краммашстрой», вроде «Совнаркомовских» — самых лучших.

После пуска завода Баландина назначили заместителем главного диспетчера.

НКМЗ, так же как и «Уралмаш», был задуман заводом заводов. Здесь изготавливались детали и узлы первого советского слябинга и прокатного стана для «Запорожстали», проходческие щиты для Метростроя, портальные краны для каналов и гидростанций, все конструкции Крымского моста в Москве, сверхмощные подъемные машины для шахт...

Завод набирал силы, работал ритмично и споро. Но тут началась война. Фашисты остервенело бомбили «Краматорку». И не фугасными, нет, чтоб не повредить тяжелое оборудование, которое облюбовал для себя Крупп, бомбили осколочными. Причем на стыках смен.

Что делать — было ясно: эвакуировать. Только вот где разместить такой гигант? И потянулись эшелоны с оборудованием и людьми по нескольким адресам: Орск, Юрга, Барнаул, Свердловск, Электросталь... Последняя группа новокраматорцев во главе с директором К. А. Задорожным уходила на восток пешком. А Константина Михайловича Баландина в то время сделали главным диспетчером Наркомата тяжелой промышленности.

Среди прочих вопросов я задал ему такой:

— Какое вооружение изготовляли в годы войны новокраматорцы?

— Вооружение? Да нет же! Мы выпускали заводы, ковали саму первооснову военной индустрии.

После освобождения Краматорска директором НКМЗ временно назначили заместителя наркома тяжелой промышленности Н. Ф. Песчаного. Он спросил Баландина:

— Вы согласитесь оставить Москву и поехать со мной в Краматорск на должность главного диспетчера?

— Соглашусь...— ответил Константин Михайлович.— Даже если вы поедете туда в автомобиле, я пешком за вами согласен бежать!..

Однако пора перейти к дню нынешнему. Отличительную черту новокраматорцев, предмет их гордости можно выразить одной фразой: «Мы делаем такие машины, которые никто до нас не делал!» Попробуйте увидеть, как из ворот этого завода выходит новое изделие... Не получится. Выполненный заказ вывозится обычно несколькими, а то и десятками железнодорожных эшелонов. Тут мелкими считаются детали по 5—6 тонн, крупные же — это за сто, двести, а то и четыреста тонн! Чтобы разместить изготовленную новокраматорцами «машину», как правило, нужен отдельный цех, а для прокатного стана — целая анфилада их длиною в километр. И вот тогда произойдет чудо: многотонная болванка, пройдя через все механизмы стана, станет вылетать из него широкой стальной лентой со скоростью курьерского поезда — 70—100 километров в час.

Сегодня здесь делают самые производительные широкополосные станы, самые мощные гидропрессы, развивающие усилие в 50, 65 и 75 тысяч тонн. Здесь же выпускают миксеры — своего рода цистерны для жидкого металла — емкостью до 600 тонн, экскаваторы, чьи лопаты скорее напоминают железнодорожный вагон. Сегодня тридцать стран мира заказывают оборудование НКМЗ — все страны СЭВ, Индия, Бразилия, Италия, ФРГ, Франция... Четыре десятка только прокатных станов с маркой НКМЗ работают за рубежом.

Сенсацией для мировой прессы стал пуск «великана в Иссуаре». В этом французском городе новокраматорцы смонтировали «под ключ» свой гидропресс усилием в 65 тысяч тонн. Торжества по случаю его пуска открывал президент Французской Республики. Французское телевидение показало миллионам своих зрителей, как советский машинист одним кивком тяжелой траверсы — «общий вес две с половиной тысячи тонн»— аккуратно закрыл спичечный коробок, а затем расколол орех, брошенный под пресс кем-то из журналистов. Расколол, не повредив ядрышко. Даже буржуазная пресса расщедрилась на самые высокие эпитеты. Газеты писали: «Поезжайте в Иссуар — увидите Россию».

Но мы-то знаем, что новокраматорцы делали и продолжают делать машины и помощнее и с не меньшей точностью. Причем без лишнего шума...

Главное чудо трижды орденоносного завода — его люди. Тут свое понятие о престижности: считают, что это творческая отдача каждого работника. Не случайно же большинство руководителей: и бывших, поднявшихся до высоких министерских постов, и нынешних — начальников цехов, ведущих специалистов, включая директора, начинали свой путь от слесарного верстака, от станка, кузнечного молота.

В кузнечно-прессовом цехе мы познакомились со старшим мастером В. А. Пряхиным. Его хозяйство — ковочный пресс, манипулятор к нему, крановое хозяйство... А раньше Виктор Александрович руководил солидной научной лабораторией в солидном НИИ... Только не следует думать, что масштабы его творческих поисков с переходом в заводской цех сузились. Управление гигантом прессом и манипулятором—сложнейший комплекс автоматики и телемеханики. Таких комплексов у нас в стране всего восемь. Манипулятор этот напоминает скорее бронепоезд, установленный на широченной железнодорожной колее. Его выдвижная челюсть захватывает оранжево-красную заготовку весом в 120 тонн и нежно поворачивает ее во всех направлениях, подставляя под железный кулак пресса. Машинисты Владимир Чередниченко или его сменщик Александр Марченко управляют всей циклопической кузней с пульта, нажимая кнопки, передвигая рычажки.

Виктор Глушко работает у станка более скромных размеров. Однако, когда кран несет к нему заготовку, железо стонет. Виктору тридцать пять, а работает он тут уже двадцатый год. Ветеран! Это он обтачивал и плунжеры и гидроцилиндры для великана в Иссуаре. На заводе Виктор окончил вечернюю школу, вступил в партию, сейчас оканчивает машиностроительный техникум.

— А потом? — спрашиваю у него.

— Все тот же станок,— поясняет,— работа у нас такая: всю жизнь надо новое постигать.

Зинаида Григорьевна Кондрашова тоже токарь, но уже с дипломом и тоже иной должности не ищет. Еще будучи школьницей, проходила она производственное обучение в этом 13-м цехе. А знания, полученные в вечернем техникуме, помогли Зинаиде Григорьевне подняться до вершин мастерства, за которое она была удостоена Государственной премии СССР.

Производственному объединению «Новокраматорский машиностроительный завод имени В. И. Ленина» исполнилось 50 лет. Лучшее слово к этой дате сказали сами новокраматорцы: они не только справились с планом первого полугодия, но и выполнили все до единого заказа. Подумалось: это в немалой степени результат экономического эксперимента, который проводится на предприятии.

— Снабженцы хорошо сработали,— говорит генеральный директор Евгений Александрович Мацегора.— У нас полторы тысячи предприятий-поставщиков. Мы здорово зависим от их аккуратности. А если говорить о самом эксперименте—недоработан он, многие наши права лишь на бумаге. Ведь отчетные показатели ни на один не уменьшились. Ну, вот сработали мы хорошо, получили двенадцать с половиной миллионов рублей поощрительных фондов. Для нашего коллектива сумма не ахти какая, но все же... Только построить сотню-другую квартир на эти деньги мы не можем: в план строительных организаций наши деньги не втиснешь, фондов на стройматериалы не получишь. Дополнительное оборудование, не имея фондов, тоже не купишь. Нужным заводу людям, лучшим работникам никаких поощрений из этих денег не выделишь: они за пределами фонда зарплаты. Даже купить подарки не имеем права: товары народного потребления — только за наличный расчет... Мне доверили миллиардное дело, а истратить трех копеек по своему усмотрению не могу.

Евгений Александрович в этом коллективе вырос. Мальчишкой пришел к токарному станку, работал и учился, учился... Был помощником мастера, начальником цеха, главным технологом, руководил заводской парторганизацией. Его избирали первым секретарем Краматорского горкома партии. Уже оттуда он пришел сюда, на должность генерального директора... Я заметил ему, что наш разговор складывается несколько «неюбилейно»...

— Почему?—возразил он.— Хорошие слова о нас пусть говорят другие. Вот и орденом Дружбы народов наградили коллектив. Но заботы остаются... Нам обязательно нужно иметь в производственных планах хоть какой-то резерв.

И рассказал случай. Один, кстати, из многих. В Макеевке произошла авария. Оборвалась в доменной печи штанга, на которой крепятся рабочие конструкции. Мощная домна остановилась. А каждый день, да что там день — час простоя означает огромные материальные потери. Если заказ на эту стальную колонну оформлять по правилам — через Госплан, то получить его можно в лучшем случае лишь в начале будущего года. На НКМЗ осознали серьезность ситуации и выполнили заказ молниеносно — за две недели. Но первая же ревизия немало попортила крови директору за «левый» заказ.

— Я, конечно, знаю, как вести себя с контролерами,— говорит Евгений Александрович.— «Да,— отвечаю,— вне плана, без наряда. Виноват, исправлюсь». Но думаю то я при этом — черт возьми! — простыми русскими словами!

А ведь — не будем забывать — недостаток прав неизбежно сужает рамки ответственности. Не выполни завод тот заказ для Макеевки, и наша страна, даже при ее масштабах, понесла бы серьезные потери. Но сколько директоров, других руководителей в таких условиях не взяли бы ответственности на себя?

...Директор новокраматорского гиганта воспитывает в своих подчиненных прежде всего нестандартное отношение к делу, умение выходить за рамки служебных инструкций, а не прикрываться ими. Недаром в одном из своих выступлений он говорил: «У нас нет времени ждать, пока современная индустрия продиктует требования к машинам завтрашнего дня. Мы сами предъявляем условия будущему».

среди книг

ОПЛОТ МИРА

Главным проблемам современного мирового развития посвящена книга известного советского публициста, политического обозревателя газеты «Правда» Виталия Корионова «Надежда планеты. Советский Союз — главный оплот мира и прогресса».

Достоинство ее прежде всего в том, что современное мировое развитие дается в ней с марксистско-ленинских позиций. Она богата фактическим материалом, который составляют высказывания и суждения виднейших политических и общественных деятелей нашего времени, авторитетные свидетельства прессы многих стран мира.

В книге всесторонне обосновывается справедливая мысль о том, что всякий раз, когда великие державы сотрудничали на мировой арене, человечество от этого только выигрывало. Социализм никогда не кичился своей мощью и тем более не превращал ее в орудие давления на другие страны. Могущество социализма, подчеркивает автор, служило и служит делу мира и прогресса человечества.

Иной подход к названным проблемам дает о себе знать по ту сторону океана. Политика авантюристических кругов американского империализма, напоминает автор, подтверждает вывод В. И. Ленина о буржуазии, «которая все, что завоевано человеческим умом, превратила в орудие для подавления воли трудящихся и всю свою организацию приспособила для истребления людей...».

Как военно-промышленный комплекс, так и действующая по его приказам военщина в борьбе с социализмом, с мировым революционным освободительным движением рассчитывает только на свою экономическую и военную силу. При этом они берут себе в подручные всех, согласных плясать под их дудку: и фашистских диктаторов, и сионистских палачей, и расистских мракобесов. Из кармана американских налогоплательщиков изымается последний грош для того, чтобы превратить агрессивный Североатлантический союз (НАТО) в ударное орудие империалистической агрессии. «Западную Европу,— говорится в книге,— превращают в заложника Пентагона. Расположенные здесь суверенные государства, имеющие тысячелетнюю историю и самобытную цивилизацию, официально именуются «театром военных действий», на котором хладнокровно планируют развязать «ограниченную» ядерную войну, ограниченную, разумеется, пределами европейского континента».

В книге «Надежда планеты» на исторических фактах убедительно показано, что любые происки, любые «крестовые походы» империалистов против нашей страны, начиная с кровавой интервенции в первые послеоктябрьские годы и вплоть до гитлеровского нашествия, неизменно заканчивались полным их крахом.

«Люди в наше время,— говорится в книге,— выносят свое суждение по реальным фактам, а факты таковы: в США и других капиталистических странах растущая изо дня в день безработица, в СССР и других странах социалистического содружества — полная занятость, гарантированное право на труд, зафиксированное в Конституции; в странах капитала — все больше голодных и бездомных, в странах социализма — неуклонный подъем уровня жизни народов; в США — разгул расизма, в СССР — равенство всех наций и народностей; в США — катастрофически высокая стоимость медицинского обслуживания, сокращение числа больниц, инфляция, приходящая в упадок система образования, в СССР — бесплатное медицинское обслуживание, стабильные цены на предметы и продукты первой необходимости, бесплатное обучение».

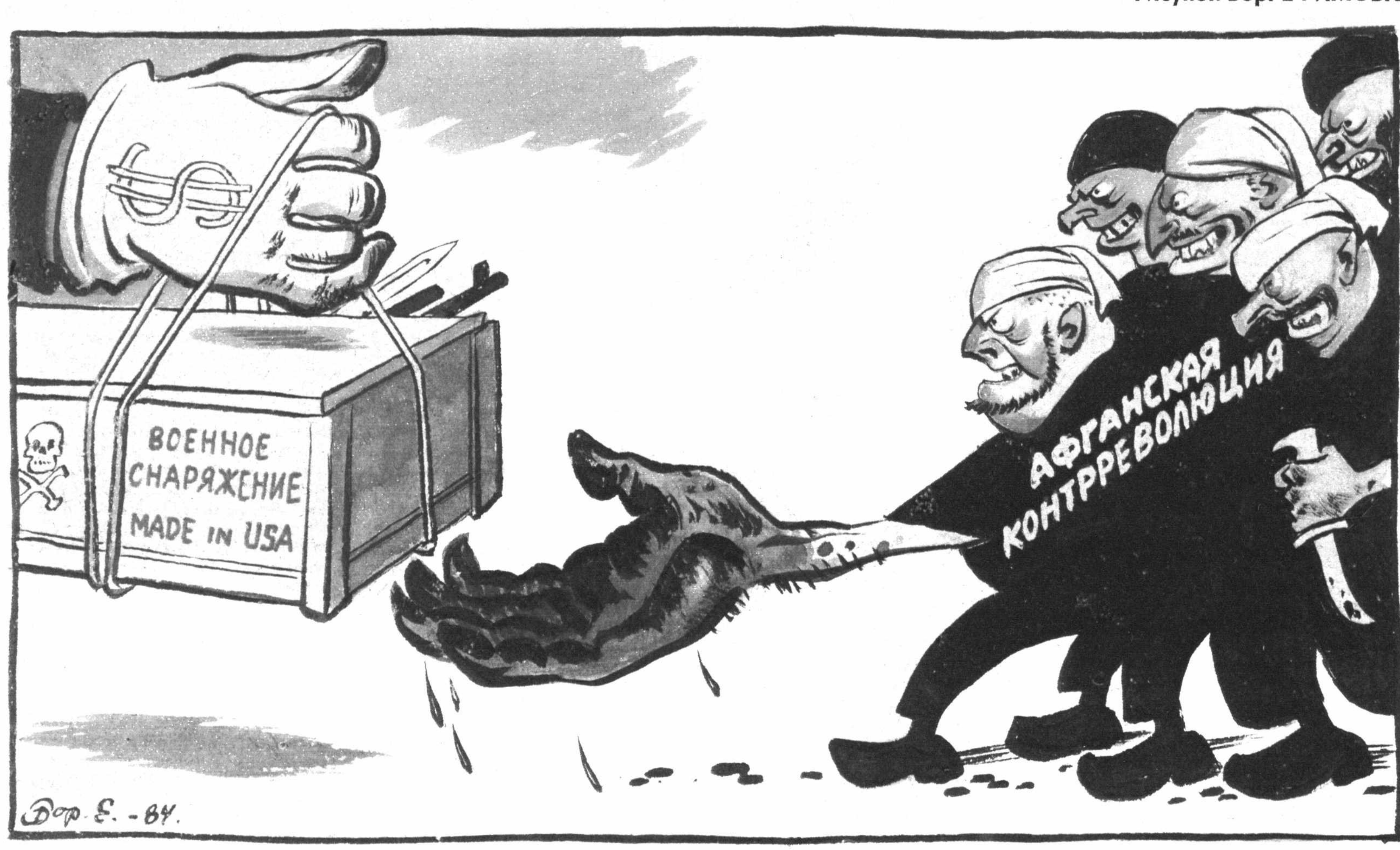
В книге приводятся взятые из американских источников некоторые цифровые данные, показывающие, на какие бедствия и страдания обрекает трудящихся американский империализм.

Неотразимая, неопровержимая фактография сообщает этой интересной, рассчитанной на массового читателя книге Виталия Корионова высокий публицистический накал, доказательность и убедительность.

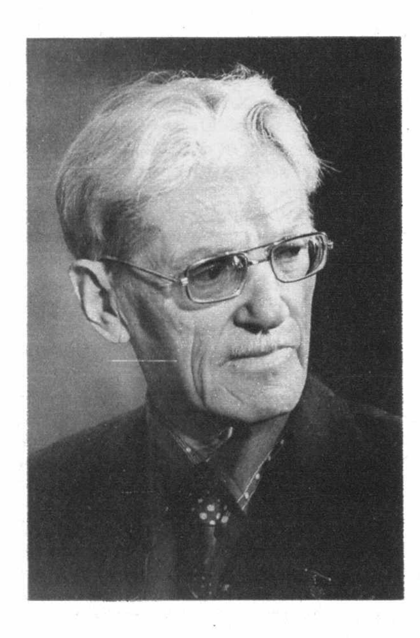
Ал. РОМАНОВ

Виталий Корионов. Надежда планеты. Советский Союз — главный оплот мира и прогресса. Москва. Издательство политической литературы. 1984.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Виталий Александрович ЗАКРУТКИН

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 77-м году жизни скончался видный советский писатель, лауреат Государственных премий СССР и Государственной премии РСФСР, секретарь правления Союза писателей РСФСР, член правления Союза писателей СССР Виталий Александрович Закруткин.

В. А. Закруткин родился в 1908 году в городе Феодосии в семье учителя. После окончания в 1933 году педагогического института работал преподавателем литературы и русского языка. Окончил аспирантуру Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена.

В 1940 году опубликовал свою первую повесть «Академик Плющов». С этого времени начинается его активная творческая деятельность.

В первые дни Великой Отечественной войны В. А. Закруткин добровольцем уходит на фронт. Весь свой ратный путь от Кавказа до Берлина он прошел в передовых частях Советской Армии.

В станице Кочетовской на Дону, где писатель прожил многие годы, он создает свои главные произведения: «Плавучая станица», «Сотворение мира», «Матерь человеческая», «Подсолнух», которые получили широкую известность, были экранизированы и поставлены в театрах страны.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги В. А. Закруткина. Он был награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Писатель вел большую общественную работу, избирался депутатом областного Совета народных депутатов, был членом редколлегий ряда литературных журналов.

Имя Виталия Александровича Закруткина, талантливого писателя, человека большой культуры, патриота-интернационалиста, останется в памяти советских людей.

В. И. Воротников, М. С. Горбачев, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, А. В. Власов, А. А. Епишев, Б. И. Стукалин, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, В. Ф. Шауро, Ф. Т. Ермаш, Г. М. Марков, Е. М. Чехарин, В. М. Мишин, Н. М. Иваницкий, М. Н. Алексеев, А. А. Ананьев, Ю. Я. Барабаш, С. А. Баруздин, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, Ю. Н. Верченко, Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, К. М. Долгов, П. А. Загребельный, А. С. Иванов, В. В. Карпов, А. В. Калинин, А. П. Кешоков, В. М. Кожевников, Ф. Ф. Кузнецов, Л. М. Леонов, П. В. Лебеденко, С. В. Михалков, В. М. Озеров, В. А. Петросян, В. Д. Поволяев, П. Л. Проскурин, С. В. Сартаков, А. В. Софронов, Ю. И. Суровцев, Е. И. Скурко (М. Танк), А. Б. Чаковский, А. Н. Чепуров, Н. Е. Шундик.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

До чего же тяжело примириться с болью утраты, когда из жизни уходит по-настоящему хороший человек, вдобавок еще большой талант и твой друг! И всякий раз напрасно клянешь несправедливость судьбы. Вот и теперь не могу заставить себя поверить, что Виталия Александровича нет среди нас и уже не услышишь его спокойно-лукавый голос, не увидишь доброй, чуть застенчивой улыбки, не посидишь с ним в саду прочного дома в Кочетовской...

Каждый крупный художник поразному приходит к главной своей теме, иногда длинным, кружным путем, минуя подъемы и спуски. Случается, тема сама находит его, завладевает им, меняет привычное русло жизни. Так произошло с Виталием Закруткиным.

Сначала была война. Она оторвала молодого ученого-литературоведа от академических занятий. Корреспондентом армейских газет будущий писатель принимал участие в битве за Кавказ, дошел до Берлина.

Большая хроникальная повесть «Кавказские записки», появившаяся вскоре после войны, вобрала в себя суровый фронтовой опыт Закруткина и сегодня, десятилетия спустя, читается с неослабевающим интересом, ибо в ней неподвластная времени правда боевых событий, точные наблюдения над поведением солдат и командиров.

Увиденное и пережитое на огненных дорогах войны потом еще не раз всплывет на страницах произведений Виталия Закруткина. Эпическая широта охвата событий сменяется в них углубленной психологической разработкой военной темы, исследованием истоков духовной мощи советских людей перед лицом грозных испытаний.

Земляк, а впоследствии близкий товарищ Михаила Шолохова навсегда оставляет город со всеми его благами и соблазнами и поселяется на берегах Дона. То была не прихоть, не дань моде, но властный зов земли, стремление в полной мере познать «трудную работу в полях, сладостную вечернюю усталость... до сердечной дрожи наслаждаться шумом древесной листвы, журчанием лесных ручьев, сокровенным языком птиц и зверей...». То была насущная потребность дать отстояться в душе новым чувствам и мыслям, найти свое слово.

Здесь, в благостной станице Кочетовской, В. Закруткин создает произведения, прославляющие цельных и чистых людей, активно преобразующих облик земли. Произведения эти воспринимаются как единый цикл, и в центре его роман «Плавучая станица», за который писатель был удостоен Государственной премии СССР.

Критика неоднократно отмечала поэтичность прозы Закруткина, созвучие в ней человека и природы. Душевно щедрые, напористые в своем созидательном порыве и столь непохожие друг на друга герои писателя, подобно прекрасным ветвистым деревьям, украшают родную почву и сами питаются ее живительными соками.

Пусть не покажется парадоксальным, но, быть может, ни в одной книге Закруткина оптимистическое созвучие человека и природы не выразилось с такой проникновенностью, как в щемяще трагической и просветленной повести «Матерь человеческая». Образ Марии—простой русской женщины, одной из тысяч безымянных героинь Великой Отечественной войны, познавшей неимоверные страдания и лишения, мучительные видения подле безмолвного хуторского кладбища с дорогими могилами,— этот образ женщины-матери воплощает победу жизни над смертью, любви над ненавистью, созидания над разрушением.

Более двух десятилетий трудился Виталий Александрович над двухтомным романом-эпопеей «Сотворение мира», отразившим исторические судьбы народа в период двадцатых — начала тридцатых годов. Коллективизация, непримиримая борьба классов, галерея представителей новой, советской деревни, их явные и тайные враги, народ, ставший подлинным хозяином и творцом истории, показаны здесь на фоне семейной одиссеи старшего и младшего поколений Ставровых, не просто и не сразу находящих свое место в рядах строителей новой жизни. От хуторских полей до западных городов, где осели русские эмигранты, протянулись сюжетные нити повествования.

Оглядывая важнейшие события тех бурных лет, не сглаживая острых углов и трагических противоречий действительности, автор акцентирует внимание на том главном, что помогает лучше уяснить движущие силы истории, масштаб социалистических преобразований. В этом — значение и актуальность романа.

Писатель остается жить в своих книгах. Книгам же Виталия Закруткина, я уверен, суждена долгая жизнь, они давно завоевали любовь и уважение миллионов читателей. Человек деятельный и скромный, в равной мере серьезно относившийся и к почетным общественным обязанностям и к участию в прозаических заботах колхозных, Виталий Александрович учил своим творчеством не бояться трудностей и встречать день завтрашний сегодня. Этому он сам учился у односельчан, прозаик-реалист с душою романтика, зорко всматривавшийся в привольное течение «могучей, вечно стремящейся к морю реки».

Иван **СТАДНЮК**

В. Людвик. Род. 1932. ВРАТАРИ Н. ПУЧКОВ, В. ТРЕТЬЯК, В. КОНОВАЛЕНКО. 1979.

Всесоюзная выставка «Спорт в изобразительном искусстве».

Б. Тальберг. 1930—1984. СПОРТ.
Панно. Левая часть триптиха. 1979.

Всесоюзная выставка
«Спорт в изобразительном искусстве».

Микола ЛУКИВ

●

Приезжайте к родителям в гости,
Чтобы совесть не мучила после.

Не везите ни денег, ни славы —
Будьте ласковы с ними всегда вы.

Мать, отец... Их предел недалече,
Завтра может не быть уже встречи.

Чтобы совесть не мучила после,
Приезжайте к родителям в гости.

СЮЖЕТ

Сюжет обычен, мыслью прост...
Типичнейшая новость:
В честь человека назван мост,—
Ну чем тебе не повесть?

Ее герой не богатырь
И не икона в раме,
Обычный парень, бригадир
Мостовщиков на БАМе.

●

В том селе, где клены зеленеют,
В том селе, где я родной, не пришлый,
Без меня давно и жнут и сеют,—
В том селе уже я, видно, лишний.

И хотя зовут на праздник людный,
И хотя радушье их не ложно,
Без меня им обойтись нетрудно,
Мне без них, наверно, невозможно.

●

Вечер. Ночь. Немое поле.
Профиль женщины в окне.
Загорелся ярко, вольно
Полный месяц в вышине.

А под тем огромным месяцем
По дороге фронтовой
Мой отец идет из вечности,
Выиграв у смерти бой.

РОЩИ ИЗ ТЕЛЕФИЛЬМА

Войдите в рощу — тишины испить,
Себя найдите в щебете и цвете.
Теперь скажите, как могли вы жить
Без этой рощи да на этом свете?

Ну как могли вы прозябать вот так,
Чтоб день за днем — как будто за стеною—
Цвели фиалки, осыпался мак,
Склонялись ветви низко над водою!

Вам недосуг? Я понимаю вас.
Я сам такой, понять — чего уж проще!
Я только что смотрел телесеанс,
Где танцевали лебеди у рощи.

И оператор — ну и голова! —
Замедлил съемку, даже сердце сжалось,
Чтоб показать мне, как растет трава,
Цветок вишневый переходит в завязь.

И я подумал: вот тебе и на!
Ужель теперь и это — словно диво?
На мир взираешь из телеокна
И тайны ждешь от телеобъектива.

А что же дальше? Неужели год
И век такой наступит в этой гонке,
Что шум берез и птичий перелет
Останутся лишь в записи на пленке?..

Мне привелось встречать такое в США —
Экстравагантность, супермода века:
Опустишь цент — и защемит душа
От шума волн и птиц у человека.

В ночи, где вновь рекламы расцвели,
Очнешься вдруг, и — чудится ли, снится? —
Летят, курлычут в небе журавли,
Цветут сады, пшеница колосится.

Вздохнешь и встанешь, в перископ окна
Поймаешь лоскуточек океана.
За ним — твоя родная сторона,
Леса, луга под пологом тумана.

Имел бы крылья — полетел бы вдаль,
Оставив бездну грохота и грома,
В края желанные берез и мальв,
К соловушкам и жаворонкам — к дому.

Но ведь и там, от суеты устав,
В хроническом круженье и цейтноте
Не часто мы бываем среди трав
И среди рощ — в цветенье, позолоте.

И неужели суждено вот так —
Чтоб день за днем как будто за стеною
Цвели фиалки, осыпался мак,
Склонялись ветви низко над водою?

Да разве этот маг-телесеанс
Заменит нам живой земли дыханье?!
Вам недосуг? Я понимаю вас.
Но сколько стоит это пониманье?

НА РАССВЕТЕ

Сквозь дождь и сон плывет вдали лесок,
Как белый парусник, плывет лениво.
Стряхнул с себя дождинку колосок,
И снова — сон, и вновь — туман над нивой.

А женщина — вся в белом — вдалеке
Шагает с тяпкой на плече, и грядки
Белым-белы, как будто в молоке,
Еще белей из-под косынки прядки.

Вот так она пройдет сквозь сонм веков,
Оставив нивам молодость и силу,
И перейдет незримо и красиво
В дожди, в туманы, в шелест колосков.

●

Чтоб не быть одному, я огонь разведу,
Пригляжу себе место в лугах ли, в долине.
Упаду в мураву и глазами звезду
Отыщу в вышине — золотую на синем.

От костра горьковатым потянет теплом,
Отзовется из трав всполошенная птица.
И звезда молодая мне дальним огнем
Улыбнется сквозь космос, как брату
сестрица.

●

Великих дел страницы, числа, главы —
Кто сызмальства о них не помышлял!
Желал и я известности и славы,
Но все теперь бы в мире променял
На мир чудес, быть может, малый самый,
Где хата, сад, где мак цветет в лугах,
Где нежностью глаза сияют мамы,
И целый свет — в ее родных глазах.

●

Стихи о море не даются,
Перо не слушает руки.
Перед глазами чайки вьются,
А в мыслях — степь да колоски.

Маяк в ночи над пенным валом,
Как свет в окне — не потушить.
Чтоб написать — увидеть мало,
Всем сердцем надо пережить.

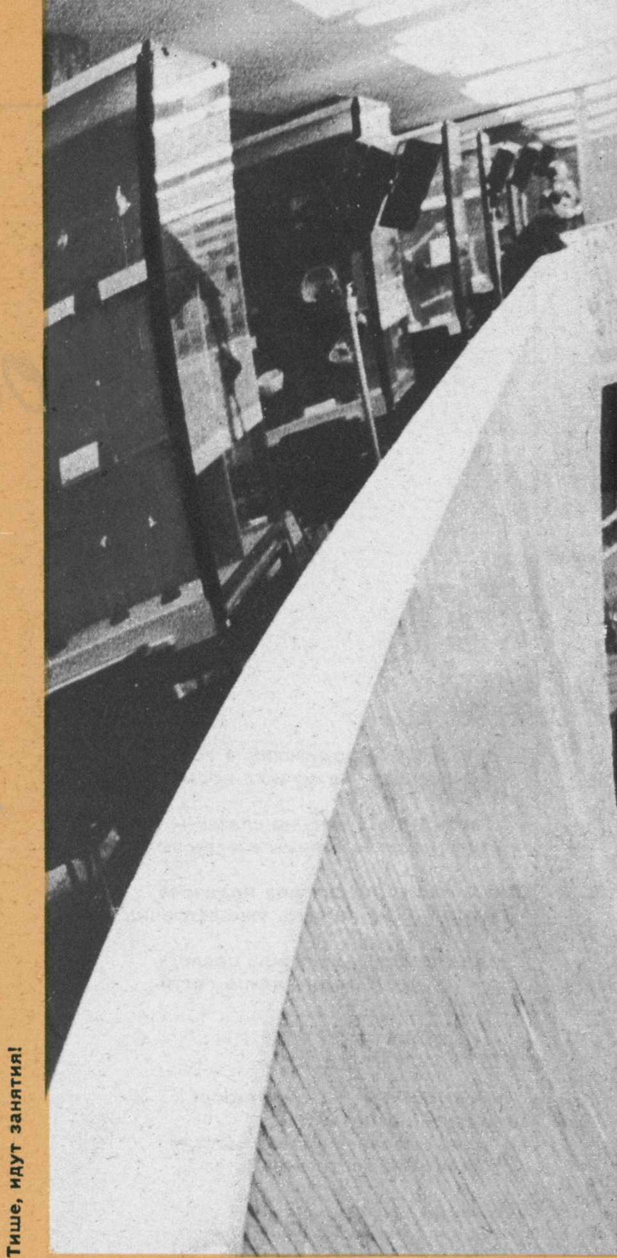
Перевела с украинского
Ирэна СЕРГЕЕВА.

БАЛЛАДА ПРО СТАРШЕГО БРАТА

Я старшего брата не видел, не знал —
Он смертью героя за Родину пал.
Я спрашивал маму — мальчишкой когда-то:
«Похож я на брата? Похож я на брата?»
Она говорила, она вспоминала
И горькие слезы платком утирала.
Мы с нею пошли на село к обелиску,
Где травы седые склоняются низко,
Где тихо стоит и в жару и в метели
Гранитный парнишка в гранитной шинели.
Ему принесли мы цветы полевые —
Ромашки и маки, такие живые!
Кто здесь похоронен? Наверно, не брат —
Какой-то другой, неизвестный солдат.
Мы долго стояли и долго молчали
В непрошеном горе, в тоске и печали.
Я долго сквозь слезы смотрел на солдата
И видел в солдате погибшего брата.

Перевела с украинского
Людмила ЛЕПЛЕЙСКАЯ.

Жаклин Солис — студентка из Панамы.

Тише, идут занятия!

Н. КРЫЛОВА,
фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

С
УНИВЕ

«СИБИРЬ — МОЯ ЛЮБОВЬ»

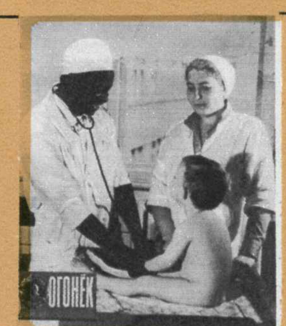
«Ваш сынишка поправился, будем выписывать». В тот день, когда врачи обрадовали Наталью Дмитриевну Телкову, и была сделана в Морозовской больнице фотография, которую вы видите на обложке этого номера. Мальчика зовут Рома, а доктора — Кебба Сункунг Сингате. Семь лет назад он поступил в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. В Морозовской больнице доктор Кебба специализируется по детским болезням. Весной он получит диплом и уедет к себе на родину, в Гамбию.

Взгляните на карту Африки. На самом западе континента узкой полосочкой вытянулась к Атлантическому океану Гамбия. Население — 600 тысяч, страна аграрная. Главная культура — арахис. В наследие от британских колонизаторов Гамбия получила традиционный набор проблем, которые оставляют метрополии своим бывшим владениям: бедность, неграмотность, отсталую экономику.

Родители Кеббы — крестьяне. С детских лет он работал в поле, собирал хлопок, арахис. В семье родилось десять детей. В живых осталось четверо, остальных унесли болезни в раннем детстве.

После школы Кебба работал фельдшером, и самым счастливым днем своей жизни он считает тот день, когда приехал учиться в Советский Союз.

ДИПЛОМОМ
РСИТЕТА ДРУЖБЫ

— Дома пришлось выдержать большой конкурс — десять человек на место,— говорит молодой доктор.— Сейчас две трети врачей у меня на родине — выпускники советских вузов.

Почти четверть жизни провел я в Советском Союзе,— продолжает Кебба.— Это были удивительные годы, годы открытий. Я открывал для себя дружелюбие и сердечность советских людей, дух коллективизма и готовность помочь.

Дважды в составе интернационального студенческого отряда он работал в Усть-Куте, строил кирпичный завод. И в Казахстане побывал.

— Запишите, Шортандинский район,— диктует он мне по слогам.— Там мы строили зернохранилище. Но моя любовь — Сибирь! — восклицает он.— Таких людей, как там, нет нигде в мире!

Родина Кеббы стала независимой в 1965 году. В том же году получили дипломы первые выпускники Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Я вижу в этом не просто совпадение дат. Днем рождения УДН считается 5 февраля 1960 года. Двери его аудиторий открылись в то время, когда на политической карте мира появлялись все новые независимые государства. У всех у них одной из главных проблем была проблема национальных кадров.

Создание Университета дружбы народов — это конкретное проявление ленинской интернациональной политики Советского государства, его искреннего стремления помочь самостоятельному развитию освободившихся стран Азии, Африки, Латинской Америки.

— Сегодня у нас учатся 6700 студентов из ста семи стран,— рассказывает ректор университета, известный советский ученый, доктор экономических наук, профессор Владимир Францевич Станис.— За четверть века мы выпустили около тринадцати тысяч специалистов, из них девять тысяч иностранцев.

Недавно ректор побывал в Панаме, где встретил немало лумумбовцев.

— В провинции Чирике нас повезли на гидростанцию «Фортуна»,— рассказывает он.— «Знакомьтесь,— говорят мне,— вот наш главный специалист по турбинам». Смотрю, да это же наш Марио! «Вы меня помните, профессор?» «Конечно!» Он окончил университет в одном из первых выпусков. Был председателем студенческого совета инженерного факультета и членом совета университета. Марио протянул мне мою книгу и попросил: «Надпишите на память».

Встретил Владимир Францевич и своего бывшего дипломника Хосе Антонио Гомеса. Он экономист, собирается к нам в аспирантуру.

— В Панаме существует ассоциация выпускников вузов социалистических стран,— продолжает профессор Станис.— Я был на научной конференции, организованной этой ассоциацией. В нее входят известные в стране врачи, инженеры, преподаватели университета.

КТО УЧИЛ МАМУ

Есть такая ассоциация и в Шри-Ланке. По ее приглашению был в этой стране профессор Николай Алексеевич Тюрин, заведующий кафедрой детских болезней медицинского факультета УДН.

— В гостинице не успел чемодан распаковать, как ко мне явились гости — наши бывшие студентки Мала Тудаве и Суджата Мананаватте,— вспоминает Николай Алексеевич.— С мужьями приехали, с ребятишками. Говорят, дети ни за что не соглашались дома остаться, очень им хотелось посмотреть маминого учителя.

Он привез ребятам подарки из Москвы. Ничего удивительного: все эти годы Мала Тудаве (она окончила в 1979 году) переписывается со своим профессором. Из писем он знал, что она руководит станцией переливания крови и одновременно консультант детского отделения в крупном госпитале, вышла замуж, родила сына. Мала писала ему и о трудных случаях, спрашивала совета.

И, конечно, у себя на родине ученики профессора Тюрина повезли его в госпитали, где они теперь работают.

Николай Алексеевич консультировал больных, читал лекции врачам, передал им много

На лекциях профессора В. А. Фролова всегда полная аудитория.

специальных пособий по тропической медицине, подготовленных в УДН. И даже побывал на родительском собрании. Да-да, не удивляйтесь. В Шри-Ланке существует ассоциация родителей, чьи дети учатся в Советском Союзе и других социалистических странах.

— Собралось человек пятьдесят. Каких только вопросов не задавали — от советской системы образования до меню в студенческих столовых! — вспоминает профессор.— После этой встречи меня наперебой приглашали в семьи. В одном доме родители показали мне письмо сына, студента подготовительного курса. «Многое из того, что мне приходилось слышать о Советском Союзе, оказалось неправдой,— писал он.— Говорили, что люди там плохо одеты, голодают, что нас будут третировать. Ничего подобного! Нас очень хорошо встретили. Любой прохожий на улице полон доброжелательства».

Главное впечатление профессора Тюрина из этой поездки: выпускники советского вуза пользуются большим авторитетом как высококвалифицированные медики и как безотказные труженики, готовые в любой момент прийти на помощь больному.

Об этом говорил мне и Виктор Алексеевич Фролов, декан медицинского факультета. Его ученик Бхаскар Сен из Индии защитил диссертацию по хирургии врожденных пороков сердца. Сейчас он ведущий специалист в крупном госпитале. «Поток больных ко мне увеличился в десять раз,— пишет он своему профессору.— Работаю изо всех сил. Приходится встречаться с «китами», получившими образование на Западе. Скажу откровенно, ваша школа науки сильнее.»

ЗОЛОТО И АЛМАЗЫ

Телефонный звонок раздался ночью.

— Николай Николаевич, извините, что так поздно. Это Амбруаз Манкенда. Только что прилетел в Москву, хочу с вами встретиться. Когда? Хорошо, завтра утром приеду на факультет.

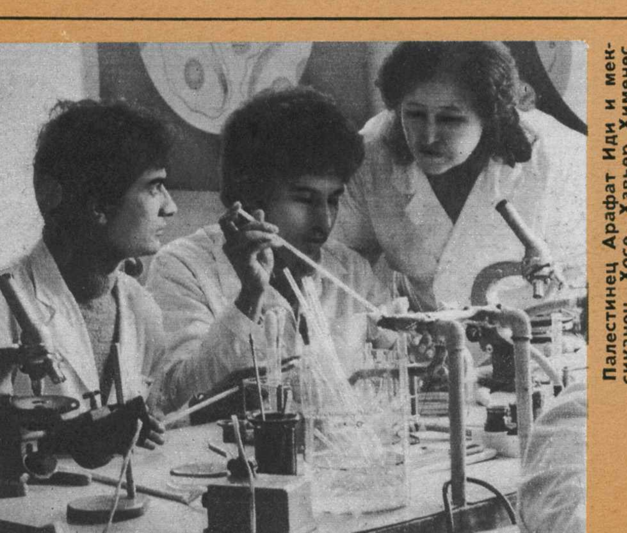
Николай Николаевич Трофимов, декан инженерного факультета, привык к таким звонкам. Вот уже четверть века, со дня открытия университета, учит он геологов. Его ученики работают в Азии, в Африке, Латинской Америке. Многих из них он встретил на Международном конгрессе геологов, который проходил этим летом в Москве.

— Даже не верится. Совсем недавно эти ребята были студентами, а сегодня — солидные люди. Слуги Абдельхамид приехал на конгресс как глава делегации Алжира. Там он возглавляет департамент поиска и разведки полезных ископаемых,— рассказывает Николай Николаевич.— И Диалло Секу, руководитель геологической службы Республики Мали, тоже был главой делегации. Я помню его худеньким, высоким мальчиком, скромным, даже застенчивым. Это был первый набор в наш университет. Помню, как я сам волновался перед первой лекцией. Уже открывая дверь в аудиторию, подумал, а как же я к ним обращусь: «товарищи» или, может, «господа»?

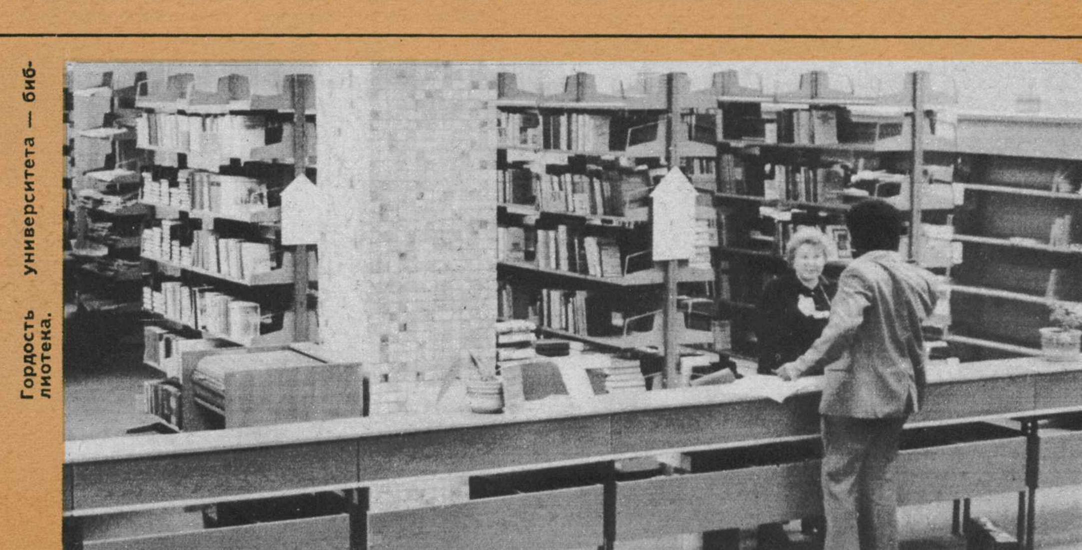
— И как же все-таки обратились?

— Сейчас уж не помню,— смеется Николай Николаевич,— только не «господа», это точно.

С особой теплотой говорит мой собеседник о первых студентах-иностранцах. Для многих из них поездка в Москву была ездой в незнаемое. Страна, люди, язык — все иное, незнакомое. Но надо отдать должное ребятам. Учились они, как правило, очень старательно,

Палестинец Арафат Иди и мексиканец Хосе Хавьер Хименес с преподавателем микробиологии В. С. Гирич.

Гордость университета — библиотека.

стремились ухватить самую суть того, что понадобится для практической работы. Таким был и Диалло Секу. На родине он стал руководителем экспедиции, которая вела поиски золотых месторождений. Диалло говорил, что ему повезло: он познакомился с советскими геологами, работавшими в Мали. Было открыто месторождение, которое уже разрабатывается. Эти материалы станут основой его кандидатской диссертации.

И Амбруаз Манкенда тоже готовит научную работу, которая будет вынесена на защиту. Это он звонил ночью своему декану. Теперь Николай Николаевич его научный руководитель. А на визитной карточке его бывшего студента значится вот что: «Эндиама» — национальная компания по добыче алмазов Народной Республики Ангола. Заместитель генерального директора».

— А помнишь, как на десятилетии университета ты танцевал африканский танец в такой юбочке из листьев? — обращается к нему декан.

Оказывается, Амбруаз в студенческие годы был заядлым танцором. И во Дворце съездов выступал и лауреатом фестиваля молодежи в Берлине был. Счастливые студенческие времена...

Сейчас главная забота вице-директора «Эндиамы» — разработка новых месторождений.

— Алмазы — наш главный источник валюты,— говорит он.— Чем скорее мы освоим новые месторождения, тем богаче будет республика.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Каждый день почтальон приносит на улицу Миклухо-Маклая, 6 письма из десятков стран. Выпускники университета не порывают связи со своей alma mater. Вот что они пишут.

Умберто Гонсалес Соса, выпускник инженерного факультета, кандидат технических наук (Эквадор):

«Мне с моими коллегами на основе опыта УДН удалось создать в Эквадоре свою национальную школу горняков. В 1976 году я был избран директором Геологической школы Центрального университета. Считаю, это в первую очередь признание высокого уровня подготовки в УДН, который показывают на практике его ученики».

Виктор Агаджи Кофи (Гана):

«Пациенты называют меня русским доктором. Работу начал сельским врачом. Представляете, один врач и сестра на 50 тысяч человек. Работал без выходных. Приходилось быть и акушером, и хирургом, и стоматологом. Трудностей было много, но я о них забывал, когда видел страдания людей. Всегда вспоминаю добрым словом моих преподавателей из Москвы».

Саид Абдо Нооман Али, выпускник сельскохозяйственного факультета, кандидат наук (НДРЙ).

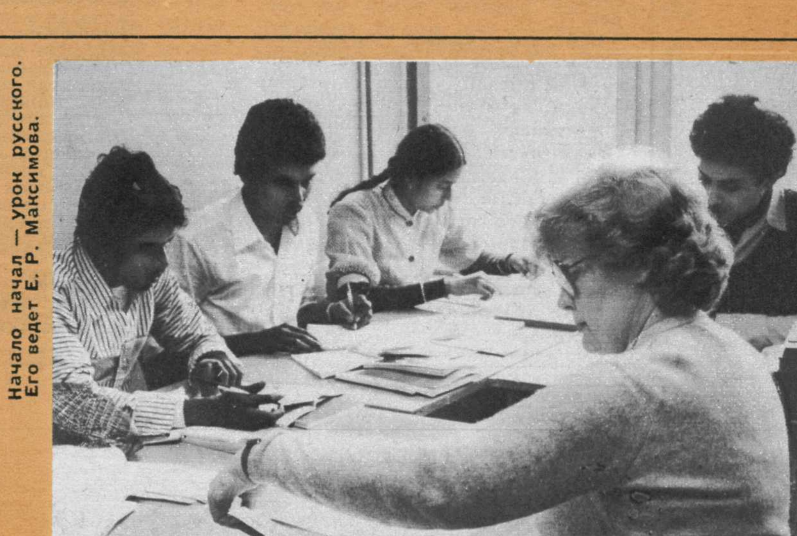
«Меня назначили руководителем проекта ФАО Продовольственной комиссии ООН, проводившей в Йемене освоение новых земель. Нашей задачей было обводнение тысячи гектаров полей под хлопчатник. Все мои наблюдения, таблицы, чертежи, сделанные в Голодной степи, сразу же пригодились. Дипломная работа с первых же дней давала практические результаты. Среди специалистов, осуществлявших проект ФАО, были два голландца. Они полностью признали мои методы руководства и не скрывали своего удивления по поводу солидной подготовки УДН.

Мне предложили поступить в аспирантуру — на выбор в несколько стран. Я выбрал Москву. Через три года я вернулся кандидатом сельскохозяйственных наук, чтобы отдать своей земле все, чему меня научили советские специалисты».

Разные обратные адреса у этих писем, но главная мысль одна. Ее очень хорошо выразил индийский инженер Прасад Бодапати: «Полученные нами знания самой высокой пробы».

Учитель и ученики. Декан инженерного факультета Н. Н. Трофимов (второй справа) и геологи В. Побыванец (СССР), Самуэль Джасон Огола (Кения) и Амбруаз Манкенда (Ангола).

Начало начал — урок русского. Его ведет Е. Р. Максимова.

Николай СКАТОВ,
доктор
филологических наук

К 175-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. В. КОЛЬЦОВА

Вещие песни

•

В «городских» романах Достоевского часто возникает мотив кольцовского «Хуторка». Да, «Хуторок» звучал из открытых окон и влетал в открытые окна: уличный магнитофон XIX века — шарманка наполняла городские дворы звуками деревенского «Хуторка». Вообще песня Кольцова чуть ли не на протяжении ста лет энергично обслуживала и сельский и городской быт, была, так сказать, песенной повседневностью. Да еще такой песенной повседневностью, которая располагалась на всех уровнях жизни: от самых верхов до самых низов. «Русские звуки поэзии Кольцова,— напророчил в свое время и вскоре после смерти поэта Белинский,— должны породить много новых мотивов национальной русской музыки». Действительно, немногочисленные стихи Кольцова (все умещаются в одном небольшом томике) породили сотни и сотни романсов, песен, квартетов и хоров, которые писали чуть ли не все русские, умевшие писать музыку: от Глинки и Даргомыжского, Римского-Корсакова и Рахманинова до скромного воронежского учителя Нагаева (один из авторов «Хуторка»). Вообще влияние Кольцова на всю русскую культуру и русскую жизнь прошлого сейчас даже нелегко представить. Колоссальные по тому времени тиражи; кроме того, Кольцов шел в народ через лубок, подлинные объемы которого и учесть-то почти невозможно. Непременные школьные изучения. «Книги для народа», наконец.

Достоевский же не смог удержаться при характеристике одной из таких книг: «Вслед за тем и помещаются: Кольцова — как вы думаете, что? Уж разумеется: «Что ты спишь, мужичок» или «Ах, зачем меня силой выдали». Песни, разумеется, прекрасные, полные самой свежей поэзии, бессмертные произведения Кольцова».

Все это — самые прекрасные песни и образы, полные самой свежей поэзии,— было запето, заезжено, зачитано.

Наступали и другие времена. Отпал лубок. Песня переставала быть повседневным явлением, вернее даже, песня как явление постоянного музыкального обихода превращалась уже в только концертный романс и застывала в нем. Потеснение в школьных пособиях завершилось полным вытеснением.

Русский поэт Кольцов все больше уходил из русского быта. На первый взгляд все это выглядело оправданным, самой историей обреченным: традиционное старое крестьянское мироощущение. Ведь и в прошлом веке Кольцов подчас представлялся обращенным более в прошлое:

Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,
Разносила гостям
Чашу **горького**;
Сам хозяин за ней,
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Ро́дных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сыченым
Обносила кругом
С лаской девичьей.

Один критик, почти современник Кольцова, даже писал о знаменитой «Сельской пирушке» («Ворота тесовы растворилися»), что поэт рисует нам, как пили и ели наши предки. Предки! Позднее же тем более казалось, что если поэзия Кольцова и достойна внимания, то лишь как дань таким предкам, как память о прошлом, как обязательность, почтенная, но скучноватая.

Между тем опять-таки в девятнадцатом еще веке находились литераторы, вроде бы неожиданно провозгласившие Кольцова поэтом грядущего времени. «Он был более поэтом возможного и будущего, чем настоящего и прошедшего!» — написал молодой талантливый критик и публицист Валериан Майков вскоре после смерти поэта. Некрасов в одной из своих поэм даже назовет поэтические создания Кольцова вещими: «И песни вещие Кольцова». Что это — оговорки, неточности, преувеличения? Нет, это было верным определением масштаба и перспектив. Характерны и еще два связанных с Кольцовым явления. Во-первых, многие выдающиеся современники, начиная с Белинского, увидели в Кольцове не много, не мало, как гениальность, суть которой прежде всего ведь и определяется масштабом. Во-вторых, консервативная мысль, скажем, те же славянофилы, достаточно сдержанно, если не холодно, относилась к Кольцову. Как раз передовые критики, революционно-демократические в особенности, начиная от Белинского и, по цепочке, до Писарева, много говорят и пишут о Кольцове. Это показательно с точки зрения общественной перспективы.

Итак, почему же Кольцов и чем обращен в будущее, то есть уже и к нам? Прежде всего самим характером своей обращенности к прошлому. Дело в том, что Кольцов — выразитель подлинно народного мироощущения, такого, которое живет в громадном историческом времени и которое ясно представляет собою, что никакого будущего без прошлого нет. Потому-то хрестоматийной кольцовской «Песни пахаря» никогда бы не было, если бы за ней не стояла многовековая былина о русском Антее — Микуле Селяниновиче. Одного без другого здесь не существует. Мощная укрепленность во времени, в истории, в традиции, в роду-племени — вот что отличает поэта Кольцова, вот чем он силен и чем нужен всегда — в прошлом, в настоящем и в будущем. Но это крепость, а не закрепощенность, твердокаменность без окаменелостей. Кольцовское время не абстрактность, а герои его не отвлеченные люди. Более того, Кольцов — один из самых социально значительных поэтов русского девятнадцатого века. Хотя социальность эта особая. В стихах Кольцова нет непосредственно изображенной социальной действительности, тем более прямого обличения крепостного права. И тем не менее даже в чисто антикрепостническом смысле слово Кольцова было одним из самых могучих и непримиренных. «Русский крестьянин,— писал Герцен,— многое перенес, многое выстрадал, он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собою... он нашел в пассивном сопротивлении и в силе своего характера средства сохранить себя: он низко склонил голову, и несчастье часто проносилось над ним, не задевая его; вот почему, несмотря на свое положение, русский крестьянин обладает такой ловкостью, таким умом и красотой».

Характер сохранившего себя

человека — выстоявшего, выдюжившего и рвущегося на волю — и выразила прежде всего песня Кольцова. Чего стоит одна «Дума сокола»?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Все заказаны?

Определяя в книге «О развитии революционных идей в России» послепушкинскую поэтическую эпоху как эпоху Лермонтова и Кольцова, Герцен говорил о песнях Кольцова: «Это настоящие песни русского народа. В них чувствуется тоска, которая составляет характерную их черту, раздирающая душу печаль, бьющая через край жизнь **(удаль молодецкая)**. Кольцов показал, что в душе русского народа кроется много поэзии, что после долгого и глубокого сна в его груди осталось что-то живое». Вот этой живой стороной народной души, принятой им в себя и сохраненной в себе, поэт прежде всего и обращен в будущее.

В свое время Кольцов был назван поэтом земледельческого труда исключительно. На самом деле Кольцов шире. И все ж нет поэта, который бы с такой силой нес это чувство земли как постоянно, говоря современным языком, действующего фактора. Но сколь часто в обычных, опять-таки современно говоря, неэкстремальных обстоятельствах самое-то главное и постоянное, именно в силу постоянности, кажется как бы и несуществующим, и мы забываем, что́ есть что. Лишь трагический опыт заставляет нас во всю меру это понять. «Весной 1942 года,— записывает переживший первую военную ленинградскую зиму,— блокадники снова, но как бы впервые в жизни вырвались к земле, к земле кормящей... Хотелось лечь на землю и целовать ее за то, что только земля может спасти человека... Хотелось лечь, распластаться и целовать землю!.. Землю, которая дает нам все: и хлеб и все абсолютно, чем может существовать человек».

От истоков, от Микулы Селяниновича Кольцов несет и передает нам и в будущее это понимание и ощущение того, что такое земля кормящая. Но не только этот, так сказать, насущный практический смысл конечного нашего кормления от земли и от людей, на ней работающих свою работу.

Кольцов, как никто, сумел донести всю силу, поэзию и прелесть сельского труда, труда на земле, передать, как говорил Глеб Успенский, «нравственную многосодержательность земледельческого труда».

В сути своей этот земледельческий труд есть совершенно особый труд по характеру его отношений с природой и по его целостности. В той же «Песне пахаря» представлена не просто поэзия труда вообще, да и вряд ли такая возможна, ибо поэзия абстрактного труда неизбежно должна приобрести абстрактный характер, то есть перестать быть поэзией. Это поэзия труда одухотворенного, органичного, носящего всеобщий, но отнюдь не отвлеченный характер, включенного в природу, чуть ли не в космос. Это то, что прямо роднит Кольцова с нашим временем и открывает дорогу в будущее. Наше время выводит к совершенно новому ощущению природы все человечество, которое в полной мере должно ощутить и осознать глобальный характер своих с природой отношений.

У деревенского Кольцова почти нет деревенских пейзажей. В «Урожае», например, перед нами предстает отнюдь не осенний пейзаж, не деревенский ландшафт, не сельский вид, а жизнь всего колоссального земного организма. Кажется, что увидено это не с крестьянского надела, а с космического корабля:

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется;

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор:

Нагустил его
В тучу черную,
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...

Понесут ее
Ветры буйные,
Во все стороны
Света белого.

Здесь одним взглядом охвачено все сразу: поля и горы, солнце и тучи, гроза и радуга, все стороны света белого,— действительно космическое зрелище. Все живет в целостном, не раздельно, не порознь ощущенном мире Кольцова. И мы верим такому восприятию потому, что оно не авторское только, но закреплено в формах, выработанных вековечным сознанием людей, ощущавших родство с этим миром, чувствовавших себя частью этого космоса. «Не земля нас кормит, а небо»,— недаром говорит крестьянин-труженик, умеющий не только упираться оком в землю, но и способный окидывать им небо.

И сами люди как бы уравниваются с природой. Это потому, что они трудятся уже даже не на природе, а как бы в самой природе. Таково богатырство косаря, проявляющееся в труде. И природа — его мера или, вернее, безмерность. Сама степь, в которую уходит косарь и которую он косит,— без конца и без края: не какие-то там десятины или гектары. Даже в народной песне, с которой связана кольцовская песня, есть ограничения и прикрепления:

Уж ты, степь ли моя, степь
Моздокская...

У Кольцова своя география, его степь чуть ли не вся земля:

Ах ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!

Этот масштаб есть и масштаб человека, идущего по земле почти как сказочный богатырь: «Зажужжи коса, как пчелиный рой»; почти как Зевс-громовержец (или Илья-пророк): «Молоньёй, коса, засверкай кругом!»

Это действительно «слуга и хозяин» природы, слушающий ее и в ней повелевающий. Потому-то такой труд — радость, своеобразное «упоение в бою».

Поэзия Кольцова — явление духовной жизни народа в широком смысле. Вот почему он, поэт прошлого, может стать и уже становится учителем для будущего.

«СИЯ КНИГА ПОДАРЕНА...»

Об этой книге, одной из самых редких русских книг, я даже не мечтал. Не надеялся увидеть ее, подержать в руках, перелистать страницы. Мечтать о ней все равно, что мечтать о невозможном.

Единственная прижизненная книга воронежского прасола, выпущенная при живейшем участии Виссариона Белинского и Николая Станкевича, тоненькая, всего в 39 страниц, на неприглядной, дешевой бумаге, вбирающая в себя около двух десятков стихотворений, тиснутая тиражом в несколько сот экземпляров,— она почти совершенно исчезла за полтора прошедших века. Это «почти» можно всерьез не принимать. Сохранившиеся экземпляры упрятаны за семью замками государственных хранилищ и частных собраний. Лишь нескольким счастливцам, горячим любителям редкостей, удавалось взглянуть на величайший книжный раритет.

Вот данные титульного листа: «Стихотворения Алексея Кольцова. Москва. В типографии Николая Степанова. 1835». Даже известен день, когда было получено цензурное разрешение,— 24 марта. Известна цена, по которой книга поступила в продажу,— «2 рубли ассигнациями».

Уже в середине прошлого века многие любители русской поэзии тщетно пытались найти эту книгу. Вот уже сто лет на нее объявлена страстная охота всего библиофильского племени. Но сборник исчез, словно провалился под землю. Даже крупнейшие библиотеки нашей страны не имеют его в своих фондах.

Итак, об этой редчайшей русской книге я и не мечтал. Поэтому когда мне позвонили и сказали, что в одном московском доме видели «живого» «Кольцова», я не поверил. Мне известно о пяти экземплярах «Стихотворений Алексея Кольцова».

Экз. № 1 с автографом — «Доброму и любезному Андрею Александровичу Краевскому с душевным уважением Алексей Кольцов. Питер, 1836. 4 апреля». Самый известный. История его подробно описана воронежским книговедом Олегом Ласунским.

Краевский умер в 1889 году, а кольцовский раритет перешел к библиографу и коллекционеру П. А. Ефремову. От него после предсмертной воли — развеять библиотеку в свободной продаже — он был приобретен «рыцарем книги», человеком исключительной, даже болезненной страсти к ней Л. А. Бухгеймом. Потом книга Кольцова попадает в не менее золотые руки, на ней появляется надпись: «Эта книга уступлена мною Ивану Никаноровичу Розанову». Добавим: профессору Московского университета, литературоведу, крупнейшему библиофилу XX века.

Экз. № 2. Принадлежал известному советскому книжнику, народному артисту РСФСР Н. П. Смирнову-Сокольскому. В своих воспоминаниях Николай Павлович писал о том, что опытнейшие московские антиквары-букинисты А. Г. Мирнов и Д. С. Айзенштадт говорили ему, что за все сорок лет работы за книжным прилавком они едва ли не впервые увидели эту книгу в его собрании.

Экз. № 3. В частном собрании в Ленинграде.

Экз. № 4. В библиотеке писателя В. Г. Лидина.

Экз. № 5. В музее И. С. Никитина в Воронеже.

И все, точка. Даже радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», считающееся величайшей книжной редкостью (каждая его новая находка — сенсация), в последнее время обнаруживалось неоднократно. В чем же дело? Куда делись «Стихотворения»? Как объяснить исчезновение с книжного горизонта первого сборника замечательного русского поэта?

Мы находим тому несколько причин. Изначально малый тираж издания. Правда, это говорит о многом, но не обо всем — первая книга Аполлона Григорьева, вышедшая количеством в 50 экземпляров, находится в руках примерно десятка владельцев. Далее. Когда книга вышла, Кольцов был еще малоизвестным литератором, и потому, видимо, она попала в руки случайных людей, которые ею мало дорожили. Затем надо учесть следующее. После смерти поэта в 1842 году его архив и книги были заброшены и забыты отцом. С библиотекой случилась трагедия. Сначала сундуки убрали в сарай, а потом продали на базаре в качестве оберточной бумаги.

...У настоящих коллекционеров такое поверье: если ты ищешь ту или иную редкость, если ты ищешь ее страстно и самозабвенно, если ты готов отдать за эту редкость все, то знай — она придет к тебе, ты ее найдешь.

И тем не менее сколько раз уже так бывало: звонили, говорили, убеждали... Ехал, летел, мчался... Не то: копия, подделка, другое издание. Но тут почему-то было какое-то странное предчувствие удачи. Вбегаю в подъезд. Лифт, как назло, отключен. К черту лифт! Бегом наверх, туда, где лежит «Кольцов». Звонок. Открывается дверь.

«У вас «Стихотворения Кольцова?» «Да вы раздеиьтесь». Осторожно кладу на ладонь почти ничего не весящую книжицу. Желтоватая обложка, цена «2 рубли ассигнациями». Листаю, считаю страницы, читаю... Она! И есть автограф: «Сия книга подарена сочинителем Владимиру Кириллову в знак первого знакомства». (Позже выяснил: это был случайный знакомый поэта, который и сделал эту надпись.) Наконец-то! Долгожданная, единственная! «Да вы возьмите! Какие полцарства?! Берите, я вижу, вам она нужнее».

Конец истории? Нет! Можете мне не верить, но спустя примерно год после находки шестого (условно будем так считать) экземпляра «Стихотворений Алексея Кольцова» мне позвонили и предложили взглянуть на... «прижизненного Кольцова». Я отшутился и хотел было бросить трубку, но на другом конце провода сказали: «Мы приедем сами». И передо мной снова лежал экземпляр первой книги Кольцова 1835 года издания. Что там лотерея и спортлото! Экз. № 6. Экз. № 7...

Феликс МЕДВЕДЕВ

Советские воины на улицах Белграда. Фото Е. Халдея

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

В белградской гостинице я рассматриваю фотографии, сделанные в югославской столице 20 октября 1944 года, в день ее освобождения от фашистской оккупации. В опаленный войной город торжественно входят его освободители — югославские патриоты и части Советской Армии. Их встречают ликующие жители, все они высыпали на улицы и площади.

Сорок лет этим волнующим документам... Как сегодня лучше рассказать о том незабываемом дне и о том, что предшествовало ему? Решаю пойти по следам исторических фотографий и написать об освобождении Белграда с помощью югославских ветеранов — тех, которые 20 октября 1944 года шли по улицам города в рядах его освободителей. Мои белградские коллеги помогают мне разыскать нескольких командиров из Первой Пролетарской бригады. Почему именно из этой воинской части? Вот строки из исторического документа: «21 декабря 1941 года по приказу Верховного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Югославии в местечке Рудо была сформирована Первая бригада. Она состояла в основном из сербских и черногорских рабочих и поэтому была названа Пролетарской. Так было положено начало созданию Народно-освободительной армии Югославии». День ее создания отмечается как День Югославской народной армии. И именно эта бригада вошла в Белград в день его освобождения. Можно смело сказать, что в истории Первой Пролетарской во многом отразилась вооруженная борьба югославских патриотов против фашистской оккупации. Рождению бригады предшествовали события, о которых нельзя не упомянуть, прежде чем продолжить наш рассказ.

В результате фашистской оккупации весной 1941 года Югославия была разделена на две сферы влияния: германскую и итальянскую. Захватчики питали прямо-таки звериную ненависть к свободолюбивым славянским народам Югославии. В оккупированной стране на практике применялась фашистская расовая теория, местное население третировалось как «низшая раса», насильственно насаждались немецкий и итальянский языки, закрывались школы и культурные учреждения, уничтожались книги, началось выселение коренных жителей с захваченных оккупантами территорий, многих отправляли на фашистскую каторгу в Германию. Усташи, члены фашистской организации хорватских националистов, пособники оккупантов, приступили к зверскому истреблению сербского населения. Спасаясь от преследований, тысячи людей ушли в горы, где начали зарождаться первые боевые группы, как правило, с коммунистами во главе их.

В день нападения фашистской Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 года, югославские коммунисты обратились к народам своей страны с призывом к вооруженной борьбе против оккупантов. В этом воззвании, в частности, говорилось:

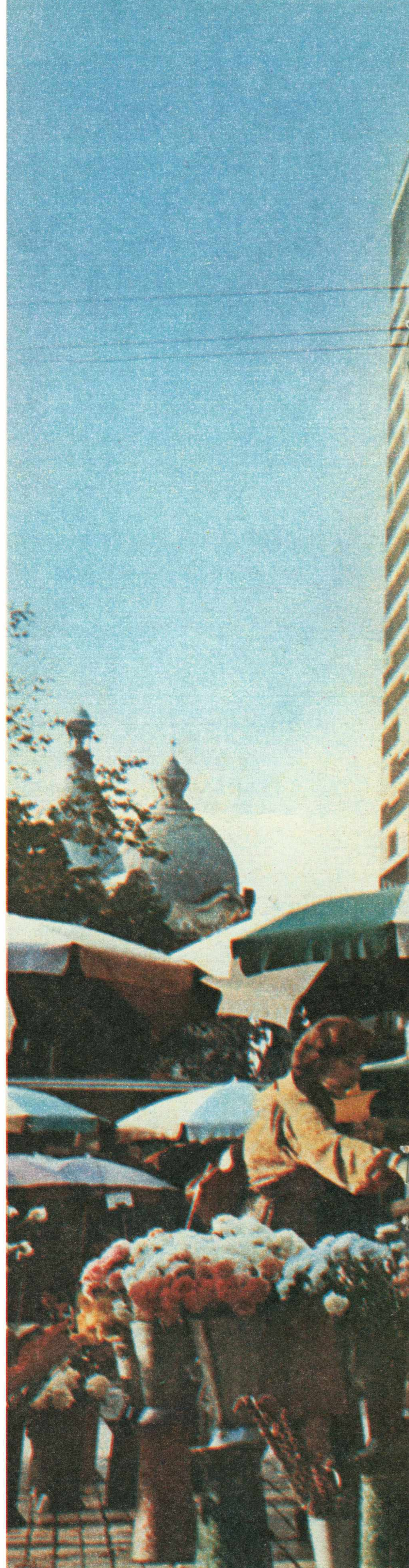
«Пробил решающий час. Начался решающий бой против злейших врагов рабочего класса, бой, который фашистские преступники сами навязали вероломным нападением на Советский Союз — надежду трудящихся всего мира. Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это также и наша борьба, и мы должны поддерживать ее всеми силами, вплоть до наших жизней».

27 июня 1941 года на заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Югославии был создан Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов во главе с И. Броз-Тито. Вскоре в руках патриотов находилось уже несколько городов, в Западной Сербии образовалась значительная освобожденная территория, в октябре в городе Ужице начала выходить газета «Борба» — орган КПЮ. Таким образом, создание Первой Пролетарской бригады в декабре 1941 года стало еще одним вполне закономерным событием в развитии всенародной борьбы, которую возглавили югославские коммунисты.

И вот я беседую с ветеранами этой легендарной бригады. Их четверо: Божидар Шево, генерал, комиссар бригады, Войо Абрамович, полковник, командир бригады, затем заместитель командующего Первой Пролетарской дивизии и еще два комиссара — Станко Матиашевич и Милосав Бойич. Что прежде всего бросается в глаза при знакомстве с ними? Жи-

Ветераны Первой Пролетарской дивизии Божидар Шево, Станко Матиашевич, Милосав Бойич, Войо Абрамович * Памятник «Победитель» — символ Белграда.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В военном музее * Белградский мотив * Студентка.

вые, открытые лица, молодые глаза, статные фигуры и... седина. Взгляните на их фотографию, помещенную на цветной вкладке рядом с этим очерком. Сколько каждому из них пришлось пережить!

— 21 декабря 1941 года, когда была создана Первая Пролетарская бригада,— вспоминает Божидар Шево,— и 20 октября 1944 года, день освобождения Белграда, связаны самым тесным образом. Тогда, в 1941-м, в городке Рудо у нас в строю было около 1200 бойцов, а в Белград входило более 15 тысяч. Там, в Рудо, мы уже думали о том, как освободим нашу столицу. Мы еще не знали, через что нам придется пройти, но сомнений в избранном пути не было. И, вручая знамя нашей бригаде, товарищ Тито сказал: «До встречи в Белграде!» Тогда же он говорил нам о том, что нужно будет после победы строить новую Югославию. В наши ряды встали представители всего народа: рабочие и крестьяне, ученые и партийные активисты, художники и журналисты... Мы все боролись за наши идеалы и впервые поняли, что окончательно побеждаем врага, именно в день освобождения Белграда; поняли, во-первых, потому, что вернулись в родную столицу; а во-вторых, потому, что встретились с нашими кумирами — воинами Советской Армии. Общими усилиями мы освободили не только город, но и весь народ. Описать наши чувства, встречу с Советской Армией в Белграде невозможно. Для этого надо быть большим поэтом!..

Станко Матиашевич дополняет этот рассказ:

— Мы все прекрасно понимали, что основная тяжесть второй мировой войны легла на плечи Советской Армии. И мы стремились к тому, чтобы наш партизанский фронт привлек к себе как можно больше фашистских сил, чтобы они не смогли попасть на советско-германский фронт. Нашу восторженную встречу с частями Советской Армии на Дунае действительно трудно описать простыми словами. Мы знали, что встретились с армией, без которой наша победа была бы невозможна. Мы понимали это тогда, понимаем и сегодня.

А вот что вспоминает Милосав Бойич:

— Когда в одном из боев в 1942 году мы разгромили части немецких фашистов и усташей, то при этом освободили из плена несколько красноармейцев. Один из них, молодой парень, попал бойцом в мой батальон. Звали его Ваня. Оказался он знающим человеком, очень начитанным. Много нам рассказывал о Советском Союзе, строительстве социализма. Узнал о русском наш комбриг и распорядился, чтобы Ваня и в других подразделениях рассказывал о своей стране. Его рассказы стали как бы нашим дополнительным оружием. А когда мы встретились с Советской Армией, то восторгу нашему не было предела, плакали от радости мы, плакали советские бойцы. Обменивались друг с другом не только красными звездочками, но и личным оружием.

О тех же днях с волнением говорит Войо Абрамович:

— Мы долго и с огромным нетерпением ждали встречи с Советской Армией. И она состоялась под Белградом. Мы встретились так, будто мы родились и росли вместе и вместе пошли на Белград. В авангарде наших частей шла Первая Пролетарская бригада. Вместе с советскими бойцами мы освобождали нашу столицу в тяжелых боях дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом. Фашисты сопротивлялись так упорно еще и потому, что пытались прикрыть отход своих войск из Греции и Албании. В боях за Белград из всего нашего штаба в живых остался я один.

Так на примере одной бригады видишь, как геройски сражались за свободу югославские патриоты под руководством коммунистов. Да, путь их был тяжел, они шли через жертвы, страдания, смерть и кровь... Но шли и побеждали. К концу 1942 года народная армия освободила одну пятую территории Югославии. Из партизанских отрядов вырастала регулярная армия, к концу 1942 года в ее рядах было около 150 тысяч бойцов.

Памятник советским бойцам, павшим при освобождении югославской столицы.

В июле 1943 года Красная Армия разгромила гитлеровские полчища в гигантской битве на Курской дуге, наши войска перешли в решительное наступление на южном участке и в центральной части советско-германского фронта. Все это не могло не способствовать ослаблению фашистской коалиции в Европе и подъему освободительного движения. 8 сентября 1943 года капитулировала Италия. Это сразу же отозвалось в Югославии, где находилось 15 итальянских дивизий. Народно-освободительная армия и партизанские части, разоружив итальянцев, получили много оружия и снаряжения и смогли организовать еще несколько дивизий и бригад.

Логичным следствием успешной борьбы югославских патриотов против фашизма стало создание в конце ноября 1943 года Югославского демократического федеративного государства. Первым правительством новой Югославии стал Национальный комитет освобождения, его председателем был назначен главнокомандующий Народно-освободительной армией И. Броз-Тито.

В начале 1944 года в Югославию прибыла советская военная миссия и приступила к организации помощи Народно-освободительной армии и партизанам. Осуществить эту помощь в ту пору было нелегко: от Дрвара, где был центр народно-освободительного движения, до фронта Советской Армии пролегало 1250 километров. Наши транспортные самолеты должны были преодолевать эти километры под вражеским обстрелом, а потом садиться на самодельные, плохо оборудованные аэродромы. И несмотря на все это, в Югославию было доставлено несколько тысяч тонн военных грузов.

В Югославии хранится много свидетельств борьбы против фашистской оккупации. Большое впечатление производит экспозиция Военного музея в Белграде. Весь его второй этаж, 20 залов, посвящен народно-освободительной войне 1941—1945 годов. Я видел знамя Первой Пролетарской бригады, а на стендах, посвященных Ужицкой республике, единственной свободной территории в оккупированной Европе осенью 1941 года, видел оружие, созданное на партизанском заводе в Ужице, фотографии и печатные документы того времени... В залах музея свидетельства того, как вслед за Первой Пролетарской появились и другие пролетарские бригады, как создавались партизанская авиация и партизанский флот, как в огне войны были организованы первые военные школы. Убедительнейшие свидетельства подлинно всенародного размаха борьбы с фашизмом!

Здесь немало экспонатов, разоблачающих злодеяния оккупантов и их пособников из местных предателей. Да, война была тяжелой, жестокой и кровопролитной. Я часто вспоминаю один из югославских фильмов о войне, который очень популярен в Югославии,— «Оккупация в 26 картинах». Первые его кадры знакомят зрителя с тремя неразлучными молодыми людьми, живущими в Дубровнике. Оператор щедро показывает поистине сказочные красоты старинного города, где энергией и весельем полна жизнь друзей. Но начинается фашистская оккупация. По древним белым камням Дубровника проходят вооруженные оккупанты. Впрочем, вначале их оружие бездействует: предатели из местных националистов встречают их подобострастно, даже торжественно. Но все честные люди, настоящие патриоты, объединяются для борьбы за освобождение родной земли. А трое друзей? Среди них — один предатель. Он с восторгом напяливает на себя черный мундир и наводит ужас на своих сограждан. Двое других встают в ряды борцов с фашизмом.

В этом фильме нет сражений и боевых операций. Авторы ставят перед собой другую задачу — они показывают, как формируется идеология предательства, какие самые низменные страсти питают ее. Вместе с тем в картине раскрывается, как разные люди, любящие свою Родину, неизбежно приходят в ряды борцов с захватчиками.

И без батальных сцен фильм полон драматических коллизий. Множатся жертвы фашистского террора, но возмездие грядет. В этой картине оно остается за кадром, но зритель видит, как зреет народный гнев, как собираются силы патриотов. Символичен финал: двое товарищей убивают своего друга, ставшего предателем, и уходят в партизаны.

Фильм, сделанный уверенной, профессиональной рукой, мне думается, несколько проигрывает от излишнего натурализма, когда мы видим на экране зверства усташей. Правда, их злодеяния были действительно невообразимы. В Югославии мне рассказали о таком случае в связи с фильмом «Оккупация в 26 картинах». Когда его показали на фестивале в Каннах, то многие зрители усомнились в том, что такие зверства могли быть на самом деле. Тогда к аудитории обратился француз, бывший дипломат, оказавшийся во время войны в Югославии и ставший там очевидцем того, что произвела кинолента. Он и сказал собравшимся, что в фильме, к сожалению, нет никакого преувеличения. Так все и было.

Большой успех фильма об оккупации и борьбе с фашизмом говорит о многом. И прежде всего о том, что в Югославии «никто не забыт и ничто не забыто». Фильм противостоит модным на Западе попыткам фальсифицировать историю второй мировой войны и обелить фашизм. Показательно также, что картину о событиях почти сорокалетней давности сделал молодой режиссер. Как тут не вспомнить, что и наш «Белорусский вокзал» тоже сделан художниками того поколения, которое идет на смену ветеранам войны. Так передается эстафета верности Родине и ненависти к фашизму.

Фильм «Оккупация в 26 картинах» производит сильное впечатление, и я часто вспоминал о нем, когда ездил по Югославии. Вспомнил в Белграде, на мемориальном кладбище, где под сенью берез покоятся югославские и советские воины, павшие осенью 1944 года при освобождении столицы от фашистских захватчиков. Навечно застыл здесь в почетном карауле наш автоматчик, изваянный из камня. Вспомнил я об этом фильме и в городке Требинье, у памятника борцам с фашизмом. Две даты, 1941 и 1945, высечены на его постаменте. Они выжжены огнем войны в сердцах югославских ветеранов. Ведь каждый десятый югослав пал в той жестокой борьбе! Память о них священна. Я не раз видел, как сотни, тысячи людей приходят с цветами к памятникам жертвам войны.

Я иду в Белграде по бульвару Революции. Именно по этому бульвару 20 октября 1944 года (тогда он назывался, разумеется, иначе) входили в город советские войска. Вместе со мной идут несколько жителей столицы, очевидцы того памятного дня. Они дружно уверяют меня, что не помнят в своей жизни более радостного дня, и рассказывают о нем с не меньшим волнением, чем ветераны, освобождавшие город. Известный югославский публицист Мирко Боич вспоминает:

«Когда хоронили Моцу, где-то вдалеке все время ухали пушки. Даже священник у могилы не раз поднимал голову, прислушивался. Очень печальные были похороны: Моце, моему лучшему другу, было тогда двенадцать лет, как и мне. Его отправили на кладбище оккупация и туберкулез. Возвращаясь с кладбища, мы видели бесконечные колонны немцев, «швабов», как мы их называли между собой. Вид их обычно наводил ужас и вызывал омерзение. На этот раз они выглядели какими-то обреченными. Советская Армия и партизаны были уже на подступах к городу. Наша маленькая улица, Враньская, была очень взволнована в те дни, все ждали наших. А стрельба приближалась.

Жители нашего дома делали звездочки из красной материи и нашивали их на одежду.

Вдруг мы увидели двух немцев. Тут же заперли дверь. Потом услышали какой-то металлический звук. Немцы исчезли. Мы открыли дверь. У стены стояло два автомата. Видно, немцы решили, что при бегстве им без них будет безопаснее. Так наш дом получил свое первое оружие.

Затем мы три раза выскакивали на улицу, думая, что пришли наши. Но каждый раз это были отступавшие фашисты. И лишь выйдя на улицу в четвертый раз, мы увидели танк, который до сих пор был нам неизвестен. Ведь мы, дети, хорошо знали все виды немецкого оружия. Да, это был советский танк! Все жители нашей улицы высыпали из своих домов. Все кричали от радости и плакали. Усатый мужчина взял меня на руки, приподнял, чтобы я лучше видел, и сказал: «Смотри, сынок, это русские!» Тут же над нашим трехэтажным домом взвился огромный красный флаг. Его сделала портниха Маришка, чей муж был в партизанах...»

Вот названия нескольких белградских улиц: Пролетарских бригад, Маршала Толбухина, генерала Жданова... Есть в городе и бульвар Красной Армии. Память сердца не умирает.

Белград — Москва.

Они первыми встречают дорогу.

Бездорожье отступает.

Теперь молоко не прокиснет.

ДОРОГИ

Н. ДАНИЛОВ, фото автора

Истина, что все начинается с дороги, стара, как мир. Лучше, если путь, по которому ты отправляешься, прямой и ровный, хорошо накатан: серая лента асфальта или с твердым покрытием шоссе.

Таких автотрасс на Рязанщине немало. С каждым годом все больше в области деревень и сел, куда ведут хорошие дороги.

Этот фоторепортаж мы сделали в Сапожковском районе. От областного центра он едва ли не самый дальний. Люди живут здесь хозяйственные. Выращивают хлеб, картофель, овощи, производят молоко, другую продукцию. Все это надо вовремя доставить на наш с вами стол. Еще и сегодня не из каждого села в весеннюю распутицу или в осеннюю дождливую пору по раскисшему проселку легко проехать в Сапожок.

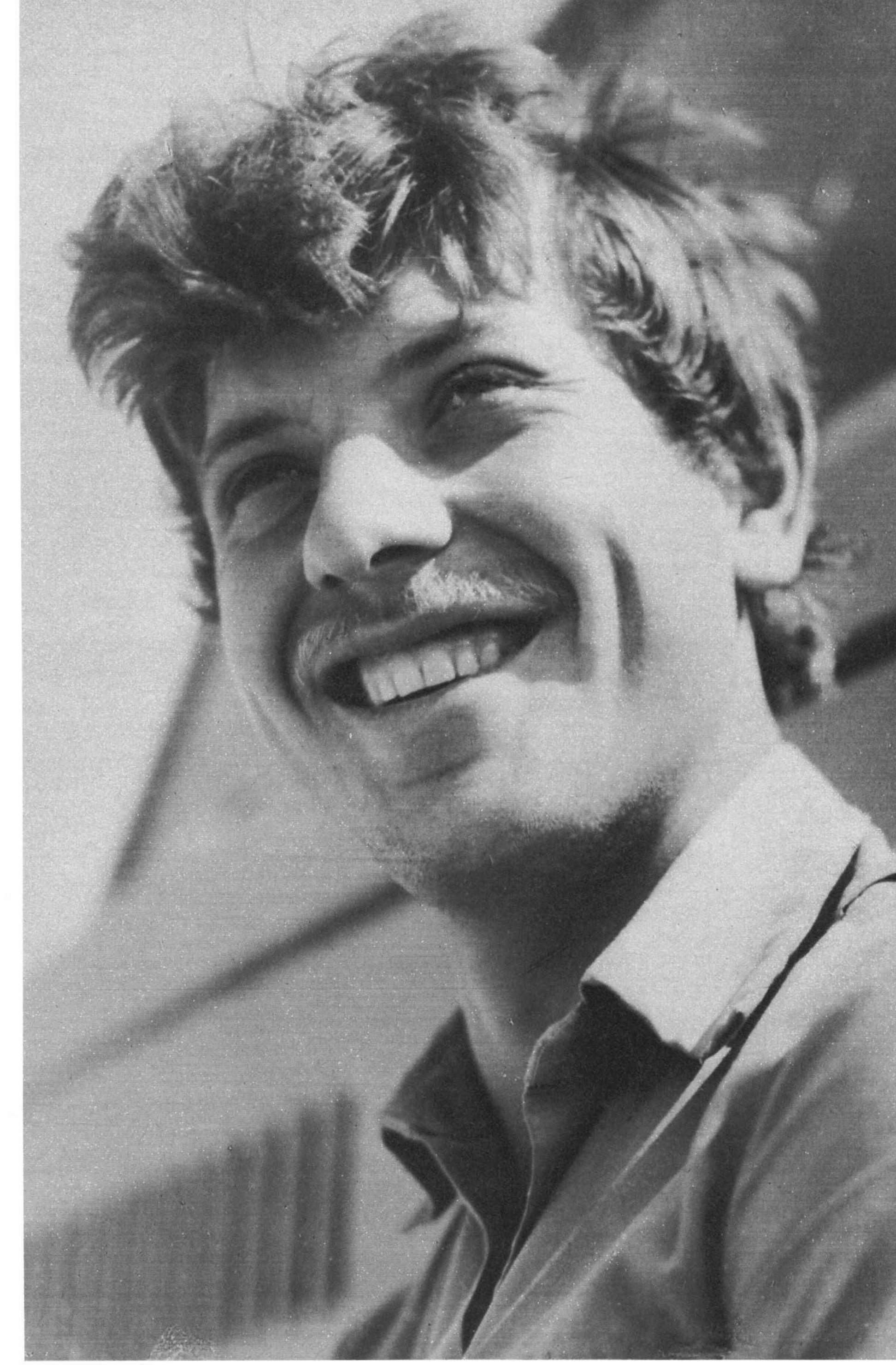
Но деревеньки, куда, как говорится, ни пройти, ни проехать, исчезают на глазах. Только за годы текущей пятилетки добротных дорог в районе проложено столько, сколько за девятую и десятую, вместе взятые.

Еще до снега, а если постараются дорожники, то и раньше, покатят машины по новой трассе Березники — Никольское, которая соединит усадьбу колхоза «Заветы Ильича» с зерноочистительным комплексом. Еще восемь километров прибавится к районной дорожной сети.

...Иногда деревню Бухтиновка тревожат глухие взрывы. Но люди уже к ним привыкли. За околицей — карьер. Здесь берут щебень на отсыпку полотна. До глубокой ночи грохочет камнедробильная машина, готовит все новые и новые кучи щебенки.

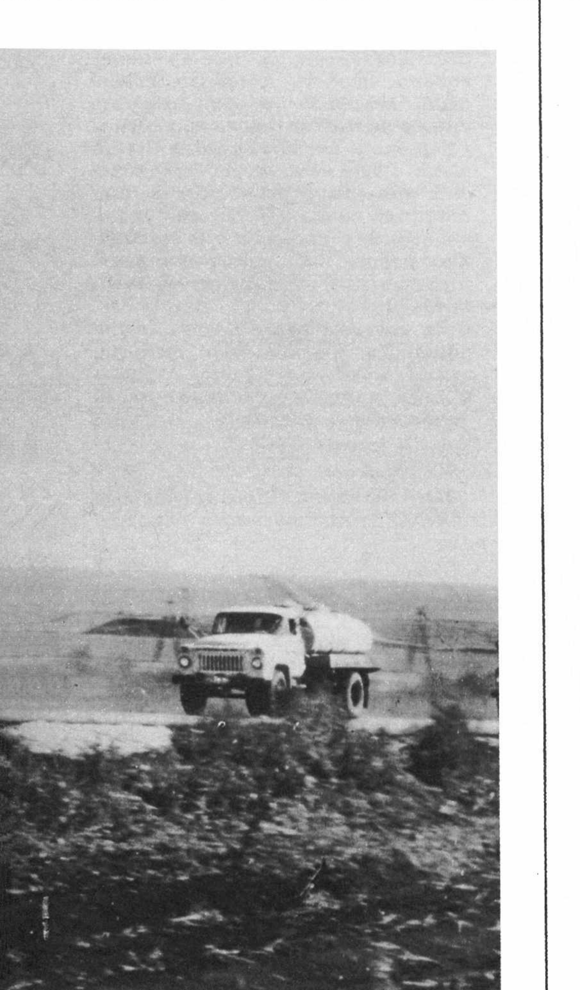
Не мешкая, загружает самосвалы экскаваторщик Юрий Шуваев. Тяжело груженные машины спешат на трассу. Метр за метром ложится асфальт. Теперь дело за водителями тяжелых катков, они и доведут новую дорогу до готовности. Через считанные дни будет снят знак «Объезд», и побегут машины — грузовики и легковушки — по гладкому полотну, высоко поднятому над низинами, болотцами, над поймой речки Барышка.

Водитель КамАЗа Александр Усков.

Так живут новоселы колхоза имени Ленина.

1944 год. Над самым высоким зданием Риги взвилось Красное знамя!

Красное зна

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ РИГИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото автора

«В то время, как войска 1-го Прибалтийского фронта завершали операцию по отсечению основных сил немецко-фашистской группы армий «Север» от их восточнопрусской группировки, войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов вели ожесточенные бои с немецко-фашистскими оккупантами на ближних подступах к Риге.

В соответствии с решением Ставки ВГК 3-й Прибалтийский фронт наступал на правобережную часть Риги... 2-й Прибалтийский фронт... вдоль реки на левобережную часть города. Удару на этом направлении содействовал и правофланговый 130-й латышский стрелковый корпус...»

Из «Истории Прибалтийского военного округа. 1940—1967»

— В этом прославленном корпусе довелось воевать и мне,— говорит подполковник в отставке, кавалер трех орденов и многих медалей С. Т. Морозов.— Никогда не думал, что мне, украинскому парнишке из-под Харькова, придется изучать латышский язык, а потом учить ему сыновей и внуков. Но это так. Войну я встретил, проходя действительную службу после окончания пединститута. В армии окончил школу политруков. Сперва воевал вместе с сибиряками, был комиссаром минометной батареи, а потом стал командиром стрелкового батальона. В декабре сорок второго меня вызвали в политотдел армии и направили в 43-ю гвардейскую стрелковую латышскую дивизию. Я засомневался: языка, мол, не знаю. На что мне сказали: «Язык, как бывший педагог, выучишь, а дивизия эта отлично сражалась под Москвой и понесла большие потери. Мы ее пополняем надежными людьми. Вступим на территорию Латвии — пополнение придет местное».

Вот тогда и засел за латышский. Заучивал не отдельные слова, а целые фразы. Нашлась и добровольная помощница — санинструктор одной из рот. Говорили мы с ней много — и по-русски и по-латышски, а вскоре договорились до того, что решили пожениться: сейчас у нас два взрослых сына и четыре внука. Я же оказался настолько способным учеником, что неточности в произношении у внуков приходится исправлять мне, а не жене. Ну, а Латвия, как вы понимаете, стала моей второй родиной...

Позже меня назначили заместителем командира по политчасти отдельного самоходного артиллерийского полка, сформированного на Урале. Тогда же полк придали 130-му латышскому стрелковому корпусу. Можно было бы много рассказывать о том, какой тесной семьей мы жили, какие были прекрасные отношения с латышами.

День начала наступления на Ригу я буду помнить всю жизнь. Порыв был такой, что мы проскакивали по две-три траншеи противника, предоставляя возможность частям второго эшелона добивать врага. Но порой случалось и так, что пехота нас обгоняла: ведь самоходки — машины тяжелые и передвигаться могли в основном по дорогам. А тут еще речонки с такими крутыми берегами, что с ходу проскочить невозможно. Поэтому мы любой ценой старались сохранить мосты. У одной из таких речек наши артиллеристы вместе с пехотой выбили немцев из деревеньки. Двинулись дальше — мост, прикрытый большой группой автоматчиков. Казалось бы, все проще простого: два осколочных снаряда — и нашей пехоте можно подниматься. Но артиллеристы боялись задеть мост. Тогда экипаж младшего лейтенанта Колесова решил поступить так: они подвели машину как можно ближе к мосту, взялись за автоматы и атаковали гитлеровцев в пешем строю! Атака была такой стремительной, что фашисты бежали, правда, успев зажечь бикфордов шнур. Мост вот-вот взлетит на воздух. Но Колесов под огнем противника в полный рост помчался к шнуру и успел его погасить. Мост остался цел, и вскоре по нему прошел весь полк.

У деревни Резети опять заминка: на перекрестке дорог — вражеская батарея. Подступиться в лоб невозможно: пристрелян каждый метр грунтовки. Тогда младший лейтенант Павлов повел свою машину по лесной чащобе в обход батареи. Каким-то чудом ему удалось выйти в тыл. Первым же выстрелом одно орудие было уничтожено, но другое повредило самоходку. Тогда экипаж атаковал батарею с автоматами. Они перебили всю орудийную прислугу, развернули немецкие пушки, отбили несколько контратак и удерживали перекресток до подхода основных сил.

Так, прогрызая и продавливая фашистскую оборону, мы упорно продвигались вперед. Свою задачу корпус выполнил: пути отступления немцам были отрезаны.

«В этот период проявил находчивость и геройство у населенного пункта Виеталвы старшина 123-го гвардейского полка 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии Я. Я. Розе... Во главе группы разведчиков старшина ночью проник на нейтральную полосу и поднялся на колокольню виеталвской церкви. Остальные разведчики остались внизу, чтобы в случае необходимости прикрыть товарища огнем.

С рассветом Я. Я. Розе разведал передний край противника, позиции его минометов и артиллерийских батарей и доложил об этом по радио командиру полка. Затем он стал корректировать огонь своей артиллерии. Точность стрельбы всполошила гитлеровцев. Догадавшись, что на колокольню церкви взобрался советский наблюдатель, фашисты открыли по ней интенсивный артиллерийский огонь. Гвардии старшина Розе при очередных огневых налетах спускался с радиостанцией вниз, а затем снова поднимался наверх и так продолжал работу наблюдателя-корректировщика в течение пяти дней и ночей.

За совершенный подвиг старшина Ян Янович Розе был награжден орденом Славы I степени и стал полным кавалером этого солдатского ордена».

Из «Истории Прибалтийского военного округа».

— Ян Янович, не могли бы вы рассказать об этом случае подробнее, а заодно и о том, за что вы получили ордена Славы III и II степеней? — попросил я.

— Если подробнее, то начать придется издалека, — охотно согласился Я. Я. Розе. — Я ведь коренной сибиряк, с этим краем связана жизнь нескольких поколений латышей, в том числе и моих предков... В позапрошлом веке в Латвии вспыхнуло крестьянское восстание, которое было жестоко подавлено царскими войсками. Мертвых закопали, живых заковали в цепи и погнали в Тобольск. Там цепи сняли и сказали: живите, как хотите, но из этих мест ни ногой. Выжили не многие. А в 1804 году под Омском латышам выделили кусок нераспаханной земли. Так появилось село Рыжково. Там родились мой прадед, дед, отец, там же родился и я. В тех краях, кстати, и сейчас немало латышей.

В армию меня призвали в сороковом. Так как я был неплохим стрелком — отец был известным на всю округу волчатником и меня сызмальства приучил к ружью, — то меня зачислили в снайперскую команду.

Войну мы встретили в летних лагерях. Тут же погрузили в вагоны — и на фронт. Боевое крещение получили под Смоленском. Рота должна была вернуть мост: немцы уже его перешли и закрепились на господствующей высоте. Что тут началось! Поливают пулеметы — мы залегли. Сверху накрыли минометы — расползлись по воронкам. Есть такое правило: из-под огня выходить только вперед. Но вперед не пускал крупнокалиберный пулемет, бьющий из-за развалин. Ротный приказал: расчет убрать! Я малость успокоился, определил расстояние до цели, а для снайпера это очень важно, и четко, одного за другим снял трех фрицев. Рота поднялась в штыковую! А моя-то винтовка снайперская, она без штыка. В наставлении сказано, что во время штыкового боя стрелять нельзя, чтобы не поразить своих. Но я стрелял! Фашисты падали один за другим...

Так я открыл свой снайперский счет. А всего в моей книжке записано сто шестнадцать уничтоженных гитлеровцев. В те же дни мы с командиром прорывались из окружения и напоролись на миномет. Я перестрелял весь расчет, а это восемь человек, мы развернули миномет и открыли огонь по немцам... Зимой сорок второго меня направили в 201-ю латышскую дивизию. Там я попал в разведвзвод. Задачи были совсем другие, но со снайперской винтовкой я не расставался.

Знаменательно, что все три ордена Славы я получил на территории Латвии. Орден Славы III степени за захват очень нужного «языка», орден Славы II степени — за то, что разведанными мной тропами, по болотам вывел в тыл противника целый батальон,

Цветы — ветеранам! Допризывники и члены клуба боевой славы на встрече с В. Н. Опалевым, Я. Я. Розе, С. Т. Морозовым и П. Ф. Зайцевым, освобождавшими латышскую землю.

Еще мгновение, и молодые воины гвардейского учебного мотострелкового Севастопольского краснознаменного полка имени Латышских стрелков поведут свои грозные машины в учебный бой.

Заместитель командира роты лейтенант Ф. Ситало рассказывает о прошедших учениях сержанту Г. Антанасу и рядовому Н. Никитину.

мя над Ригой

который уничтожил мешавшие наступлению артиллерийские батареи противника. Ну, а случай с церковью вам известен. Дело было так. У речки Прохладной, так ее название переводится на русский язык, наш полк застрял: берега крутые, техника пройти не может, а единственный мост — под перекрестным огнем артиллерии. Тогда начальник штаба обратился к разведчикам: выручайте, мол, ребята, или найдите место, где можно форсировать речку, или определите расположение батареи, чтобы мы могли ее накрыть своим огнем. Мы надели гитлеровские маскхалаты и поползли... Вскоре наткнулись на две красивые церкви. Фашистов вокруг — тьма, но я все же решил подобраться к одной из церквей. Ребят попросил на всякий случай прикрыть, а сам в полный рост пошел к церкви. Меня приняли за своего и беспрепятственно пропустили к входу. Главный закрыт, я — к служебному. Вижу, наверх идут провода. Все ясно, здесь немецкий наблюдательный пункт. Ну что ж, был немецкий— станет наш. Взобрался наверх — никого: видимо, на ночь они ушли спать в блиндаж. Тем лучше, внизу их есть кому встретить.

Никогда я не ждал рассвета с таким нетерпением, как в то утро! С колокольни все как на ладони: и позиции шестиствольных минометов, замаскированные в снопах ржи, и орудия, и доты... Сообщил по рации координаты, ориентиры. Наши артиллеристы тут же открыли беглый огонь, а я корректировал их стрельбу. И вдруг прямо на церковь идут восемь танков. Семь повернули к школе, где был «слоеный пирог» — этаж наш, этаж немецкий, а восьмой остановился и давай прямой наводкой лупить по церкви. Я еле успел забиться в какую-то щель, как рухнул купол. Тут уж за меня взялись самолеты. Но я уцелел...

И вдруг Ян Янович задал неожиданный вопрос:

— А вы знаете, с какого года я постоянный читатель «Огонька»?

— Нет, конечно.

— С сорок четвертого!

— Почему именно с сорок четвертого?

— А потому, что тогда в тридцать восьмом номере «Огонька» впервые появилась моя фамилия. У меня и вырезка сохранилась. Смотрите, довольно большая фотография и подпись: группа разведчиков возвращается с задания. Все названы поименно, среди них и я. Это, я вам скажу, нечасто бывало, чтобы печатали фотографии разведчиков и называли их фамилии. Лет через тридцать я снова побывал в редакции «Огонька» — тогда за «круглым столом» собирали Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы. А на днях я написал в «Огонек» письмо, только еще не отправил: ведь я участник Парада Победы, а вы просили отозваться участников этого исторического события.

Мне воевать пришлось до самого конца,— продолжает Ян Янович.— Мы стреляли даже после девятого мая — надо было добивать разрозненные части Курляндской группировки. Досадно, конечно, что наш полк был совсем рядом с Ригой, а войти в нее в составе почетных колонн освободителей не довелось. Красное знамя над Ригой подняли другие.

«ТАКИХ ЯНЫШЕВЫХ НЕМНОГО»

«Наши части пошли в штыковую атаку. Янышев был впереди. Я была недалеко от него и слышала, как он громко воскликнул:

— Товарищи! Вперед, за мной!

Все, как один, ринулись за ним. В этот момент его смертельно ранило... Он упал, обливаясь кровью»,— рассказывала о гибели отважного комиссара его жена — «товарищ Шура» (как звал ее В. И. Ленин), член партии с 1910 года, начальник политотдела 15-й Советской дивизии.

«Так живут и так умирают рабочие-коммунисты, имена которых,— писала «Правда» в 1920 году,— вечно будут гореть ярким светом, пока будет жить человечество».

— Сто лет прошло со дня рождения Михаила Петровича Янышева,— рассказывает доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории КПСС МГУ профессор П. И. Соболева,— но интерес к этой удивительной личности не убывает. Архивные документы рассказывают, что еще мальчишкой он ушел из деревни в город на заработки, работал на ткацкой фабрике в Иваново-Вознесенске, родине первых Советов. Активный участник революции 1905 года, Янышев после ее подавления вынужден эмигрировать за границу. Десять лет жизни на чужбине, бесконечные скитания матросом на иностранных кораблях, работа на металлургических заводах Бостона и Детройта; он гнет спину в доках Гамбурга, добывает уголь в шахтах Австрии, трудится на кожевенных предприятиях Америки.

В США М. П. Янышев становится одним из создателей русской секции в Социалистической партии. Эта партия впоследствии стала ядром Коммунистической партии США. Почти все свои заработанные деньги он тратил на покупку и распространение политической литературы среди рабочих.

Михаил Петрович Янышев и его жена Александра Александровна, «товарищ Шура». Фото 1918 года.

Как и большинство русских политэмигрантов, в 1917 году М. П. Янышев возвращается на родину, активно включается в революционную борьбу. Документы говорят, что это был удивительный оратор, трибун, умеющий увлечь массы страстным, горячим словом. Популярность его среди крестьян и рабочих была огромна.

Вот, например, как описал выступление М. П. Янышева перед крестьянами села Спас-Сербилово в начале августа 1917 года присутствовавший при этом американский журналист Альберт Рис Вильямс: «Весь вечер, до наступления темноты, крестьяне стоя слушали его. Затем принесли факелы, и Янышев продолжал... Эти крестьяне, проработав весь день на полях, до поздней ночи простояли здесь, чтобы дать пищу своему уму, делая это с большим рвением, чем добывали днем пищу для желудка. Это было символическое зрелище — факел знания запылал в темной деревне...»

Янышев принимает активное участие в Октябрьском вооруженном восстании в Москве. По заданию партии организовывает доставку красногвардейцам боевых гранат. А во время сражений с юнкерами с оружием в руках штурмует здание гостиницы «Метрополь» и Кремль.

1918 год. По предложению В. И. Ленина М. П. Янышев назначен председателем ревтрибунала столицы. При его активном участии в Москве раскрыта контрреволюционная организация левых эсеров. На V Всероссийском съезде Советов его избирают членом ВЦИК.

Летом 1919 года на помощь революционному Петрограду спешно направлен отряд московских коммунистов во главе с М. П. Янышевым. А когда начинается наступление деникинцев, М. П. Янышев уже комиссар стрелковой дивизии. Не было ни одного боя, в котором не участвовал бы он сам. И вот тот последний в жизни комиссара бой на Южном фронте...

«В эти тягчайшие дни моей жизни мое безысходное горе смягчилось тихой человеческой лаской, которую я нашла в доме В. И. Ленина,— писала «товарищ Шура».— Помню, В. И. Ленин пришел домой поздно. Увидев меня, тут же сказал:

— Товарищ Шура, что же вы не уберегли Янышева? Ведь таких Янышевых немного».

...Похоронен М. П. Янышев у Кремлевской стены в Москве.

А. СМОЛЬНИКОВ,
кандидат исторических наук

И ПО ДОЛЖНОСТИ И ПО СЕРДЦУ

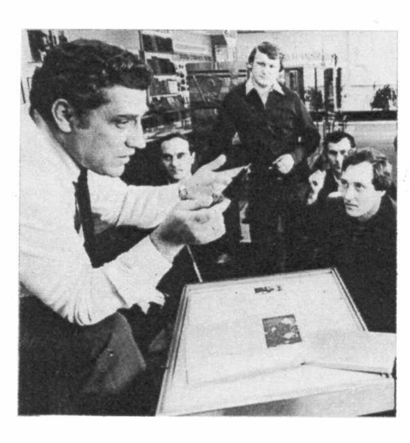
— Юрий Васильевич, в который раз уж встречаетесь вы со своими слушателями...

— Пятнадцать лет встречаюсь. Но всегда как в первый раз. Удивительное чувство: чем больше опыта и знаний, тем выше ответственность перед каждой встречей, все, кажется, чего-то недодумал, недочитал.

Юрий Васильевич Маркин — заместитель начальника цеха на московском машиностроительном заводе «Знамя революции» и бессменный руководитель школы основ марксизма-ленинизма. Руководитель и пропагандист по должности и по душе. Это помогает Юрию Васильевичу настраивать коллектив на ударный труд. Механический цех всегда впереди. По инициативе его коллектива сейчас на заводе несут вахту «40-летию Победы — сорок трудовых недель».

Любимая тема Юрия Васильевича — научно-технический прогресс, завтрашний день родного завода. В цехе осваивается новейшее оборудование. Уже сегодня в перспективе — создание гибких производственных линий с внедрением роботов. Юрий Васильевич частенько посещает главную выставку страны, интересуется отечественными и зарубежными новинками в этой области. А потом щедро делится увиденным и узнанным.

На XXVI съезде КПСС было сказано, что идеологическим работникам должно быть присуще чувство нового. Юрий Васильевич каждую тему рассматривает с позиций сегодняшнего дня. Он умело применяет полученные знания на практике, воспитывает бойцов, способных решать задачи, которые ставит партия. Маркин любое занятие непременно свяжет с делами цеха, завода, страны. Его слушатели мыслят творчески, неординарно. Бывает, увлекутся спором — два семинарских часа промелькнут как минуты, а заряд увлеченности остается до следующей встречи. И каждый старается подготовиться к ней получше, чтобы не подвести себя.

Юрий Васильевич четверть века на заводе. Прошел путь от наладчика токарно-револьверных станков до заместителя начальника цеха, без отрыва от производства получил высшее образование. Здесь вырос как руководитель и пропагандист. В прошлом году в свои сорок шесть лет окончил еще один институт — по повышению квалификации руководящих кадров. И тогда же был отмечен настольной медалью пропагандиста.

Учиться самому и учить других давно стало его потребностью, общественное поручение переросло в увлечение. Кстати, у Юрия Васильевича оно не единственное. Он любит спорт, музыку и книги. Это тоже роднит его с рабочей молодежью.

Новый учебный год в сети политпросвещения во всем нов и для слушателей и для Юрия Васильевича. Пропагандист будет вести семинар по атеистическому воспитанию. Тема несколько необычная, очень интересная и нужная. Пропагандист волнуется: каким он получится, первый урок? Думается, что у Юрия Васильевича он пройдет как надо. Есть у него на то и знания, и опыт, и прирожденный талант.

З. КРЯКВИНА.

На снимке: пропагандист Ю. В. Маркин.

Фото С. Петрухина

Звени, песня, как в старину!

Бывает, что и по многу гостей приезжает в одно из самых «певучих» белгородских сел — Подсереднее. А тут столько явилось, что с трудом всех вместил обширный луг за школой.

На фестиваль народной песни собрались лучшие фольклорные коллективы Белгородской области. Впервые такой большой праздник проводился здесь. Хозяева серьезно и задолго готовились, и вдруг погода никуда! Однако же с утра в назначенный день просветлело. А потом один за другим стали появляться возле Дома культуры автобусы. Из Афанасьевки, из Казацкого, из Больше-Быкова... И стало ясно: праздник состоится!

Не было у этого фестиваля ни сценария, ни программы. Не делили участников на слушателей и исполнителей. Даже сцены не было. Каждый привез свои песни, свои наряды, и, как в старину, прямо на луг выходили певцы, плясуны: заводили общие круговые «карагоды». И не оказалось на этом общем празднике равнодушных: для всех важно было, что вернулась дорогая, но почти забытая песенная традиция. Да как вернулась! Пели и женские хоры, и смешанные, и чисто мужские «артели» — так их называют на селе. Самые искусные «водят голосами»: свободно разветвляя, расцвечивая основную мелодию. И звучит песня слаженно и дружно.

Женщины вспоминают:

— Бывало, мужики с поля идут, заиграют песню — это нам как сигнал! Мы сразу — прибираться, да на стол собирать!..

Многие песни так и назывались «улишными». И ведь живы до сих пор песни о красоте земли, о далекой старине. Интерес к ним вдруг будто заново пробудился на фестивале. И понятно. Ведь у белгородского края непростая история...

Оттесненные в далекие времена ордынского нашествия, русские люди вернулись на свои родные земли лишь в конце XVI — начале XVII века. Но хоть Русь и освободилась от Золотой Орды, кочевники продолжали набеги на пограничные села. Вот тогда и были в степи воздвигнуты мощные оборонительные сооружения — Белгородская засечная черта... Первыми среди поселенцев стали ратные люди: солдаты, стрельцы, казаки. С того давнего времени сохранились названия местных сел: Казацкое, Стрелецкое, Солдатское, Пушкарное...

На фестивале звучали песни, оставшиеся с той поры, протяжные и невеселые. Но больше было озорных, хороводных, задорных «карагод». И, конечно, частушек.

Аккомпанировали себе певцы сами — на балалайке либо гармошке, на двойной жалейке: это дудочка из камыша, а по-местному — пищики. Играли иные мастера даже на обычной косе. А играть на ней совсем непростое дело. В этом я убедилась, когда Ефим Тарасович Сапелкин — знаменитый «песельник» села Афанасьевки — безуспешно пытался обучить меня своему искусству.

Теперь я назову еще один удивительный ударный «инструмент»: это... обувь, что на ногах. Ведь карагодные песни сопровождаются переплясом. Причем одни танцоры выбивают ногами просто ритм; другие, более искусные,— сложные ритмические фигуры: «в три ноги» и даже «в четыре». Называется такая пляска «Пересек»... Гудела земля, когда по всему лугу заплясали в своих обутках умельцы.

— Это что,— говорит Илья Филиппович Михайлов из села Больше-Быково.— На свадьбах гости на лавки вскакивали и прям по ним плясали... Вот гудело, так гудело! Веселые, нарядные были свадьбы.

Нарядами тоже порадовал фестиваль. Особенно хороши были яркие домотканые юбки-поневы. В каждом селе поневы ткались со своим рисунком, и для каждого возраста понева была определенного рисунка и тона: «с глазком», «косина», «белгородка»... Одежда переходила от матери к дочерям, и бережливая хозяйка имела от бабок и прабабок чуть ли не полсотни понев. Одни поневы носили в будни, другие берегли только на праздники. И даже сейчас, когда искусство ткачества и вышивки почти забыто, нет ни одного дома в селах, где не хранился бы старинный наряд, полотенца и скатерти... К сожалению, мало сохранилось мужских рубашек. Правда, вот Илья Филиппович Гавшин свою уберег.

— Как,— говорит,— не сберечь! Она у меня свадебная! Хотя свадьбы уже по-новому играли, обычаи подзабыли, а я к невесте пришел — она мне рубашку дарит!.. Так по старинке было положено. С тех пор и берегу. Только в праздник надеваю...

Глаза разбегаются от ярких нарядов. Но, пожалуй, тут самое красивое — шитые золотом шапочки-сороки. Только редкая мастерица их делала: на несколько сел одна умелица была.

— Бедный люд одну сороку на пять-шесть семей покупал. И носили мы ее по очереди,— рассказывает Алена Ивановна Попова.— Ох, как я об этой сороке мечтала! Даже надеть сороку — и то большое искусство! Одна и не сумеешь, нужно, чтобы подруги помогали.

У каждого на празднике были своя песня и свои почитатели. Зато радость общая была.

— Давно уж хороших-то песен не слышали,— сказала нечаянно одна из слушательниц. И просочилась вдруг в ее словах горчинка, которую мы все почувствовали. Ведь нынче на селе все меньше поют. Редкими стали общее веселье, гулянье... Бабкины наряды зря уродуют порой блестками либо елочными бусами... Уходит из жизни богатейший пласт русской музыкальной народной культуры.

Известный фольклорист В. М. Щуров, преподаватель Московской консерватории, почти двадцать лет изучающий песни Белгородской области, вспоминает, что, когда он приехал сюда первый раз студентом, возле клуба с песнями каждый вечер собиралась молодежь.

— Именно тогда и прикипел я сердцем к этим местам. Дорогими они стали на всю жизнь.

— Почему же уходят, забываются песни?

— Вопрос очень трудный... Может быть, вытесняет их телевизор. А может быть, просто невнимание к ним... И как же это прекрасно, как важно, что о песне снова вспомнили всерьез! Как радует, что появились в селах вот такие праздники, возникли молодежные фольклорные ансамбли, а люди постарше с успехом исполняют старинные песни по всей стране и даже за рубежом...

Одна из лучших исполнительниц фестиваля, Ольга Ивановна Маничкина, сказала мне вечером за чаем:

— Думала я, мол, хватит уж петь, стара стала!.. А сейчас решила — нет! Нельзя бросать песню! Коли нас так слушают да так любят, как нынче, мы будем петь, пока сила душевная есть...

Е. ПУХОВА

Белгород — Подсереднее.

МАТЬ — ИМЯ СВЕТЛОЕ

Необъятен океан книг, изданных в нашей стране. Но я не встречал раньше в этом океане очерковой документальной книги, целиком посвященной советской матери, материнству. И вот только что вышла книга очерков Анны Харитоновой «Светлое имя — мать».

Название книги говорит само за себя. Действительно, какое это неиссякаемо светлое, чистое, святое понятие — мать! Сколько жизни, красоты, любви в бездонных глубинах материнства... Я убежден, что из всех чувств, составляющих эмоциональную духовную природу человека, материнская любовь — самое могучее, возвышенное.

Анна Харитонова в поисках достойнейших из достойных матерей объездила чуть ли не всю страну. Героини ее очерков живут в центральной полосе России и в Поволжье, в Сибири и на Кавказе, в Крыму и Белоруссии, во многих автономных республиках. Их в книге двадцать пять, веселых и задумчивых, мягких и строгих, пожилых и молодых, гордых, красивых, глубоко чувствующих, все понимающих женщин-тружениц, которых мы называем вечным, как жизнь, словом — мать.

Всех героинь А. Харитоновой роднит высота гражданских позиций и нравственного облика, духовная красота. Есть среди них хранительницы нелегкого, но чистого и ясного счастья своих многодетных семей, такие, как жительница саратовской деревни Кручи Пелагея Апарина, татарка Галиябану, башкирка Тагзима Закирова, сибирячка Галина Тропина. А есть такие, как Клавдия Чеусова из Коми АССР, Лидия Муравьева из Удмуртии, Матрена Тимошкина из рязанского села Селизово, которые щедро дарили любовь и ласку чужим, некогда осиротевшим детям, и теперь они им «роднее родных».

Нельзя не порадоваться, не подивиться высокому трудовому, гражданскому, человеческому подвигу казашки Камшат Доненбаевой — знатной трактористки с целинных земель, депутата и руководителя одной из палат Верховного Совета СССР, делегата XXV и XXVI партийных съездов, искусной ткачихи-ковровщицы из Дагестана Джамият Раджабовой, знатного виноградаря из Крыма, дважды Героя Социалистического Труда Марии Князевой, рязанской доярки-рекордсменки Раисы Секачевой, для которой ферма — родной дом, Зайнеш Джураевой, бывшей сироте, а теперь прославленной учительнице из отдаленного узбекского кишлака Тез-Гузар, по праву — так уж сложилась ее судьба — считающей себя дочерью четырех республик.

«...Человек мужает в труде и службе другим людям»,— убеждена героиня очерка «Рябина зреет на морозе», знатный колхозный бригадир Люцианна Лазарева. Такой взгляд на жизнь у всех героинь этой хорошей и нужной книги.

Рассказывает о них А. Харитонова сдержанно, без ложной патетики и лакировки.

Книга пронизана чувством глубокого преклонения перед Матерью, от которой идет все лучшее, человечное, что есть на свете. Своей жизнью, где было все: и голод, и пожарища войн, и горькие потери близких,— наши матери заслужили почет, уважение, доброе слово о себе, каким и является эта книга.

А. ПОЛИКАНОВ,
профессор.

Анна Харитонова. Светлое имя — мать. М., «Советская Россия», 1984, 256 стр.

Мария ХАЛФИНА

Дела семейные

Мария Леонтьевна Халфина — давний автор «Огонька». У писательницы опубликовано много рассказов, повесть «Мачеха» и «Простая повесть», а также «Семейные притчи». М. Халфина не обходит острых вопросов, которые волнуют читателей: о сыновнем долге перед родителями, о способности любить своих детей разумно, о семейных разладах, о том, существует ли и будет ли существовать проблема «отцов и детей»...

БАЖЕНОВЫ

— Как это все могло произойти?! — Заплакать Валентина Викторовна на сумела, хотя самое лучшее сейчас было бы — сунуться лицом в подушку и хорошенько прореветься.— Ты-то где была? Как ты-то могла такое допустить?!

Томка не оправдывалась. Она тихонько всхлипывала, поминутно сморкаясь в мокрый платок.

Слезы смыли тушь с ресниц. Коротенькие реснички стали нормально белесыми, какими они были и пятнадцать, и десять, и восемь лет назад, когда Валентина Викторовна видела Томку в последний раз.

— Что я могла? Папа... да и мама тоже... вы же знаете, какая она, когда разозлится...

Томка всхлипывала, размазывая мокрым платком остатки туши по тугим, сдобным щекам.

— Папа... мама! — Брезгливо сморщившись, Валентина Викторовна порылась в сумке и бросила ей на колени чистый платок.— Тебя воспитывали не папа с мамой. Они тебя по полгода в глаза не видели, когда бабушка тебя в деревню к своей родне увозила, чтобы ты милым своим родителям жить не мешала... На деревенскую родню она батрачила как вол, лишь бы они тебя терпели, а тебя терпеть не каждый бы согласился — такое ты милое дитятко была... Ты выращена на бабушкину пенсию и сама это прекрасно знаешь. Папочка с мамой никогда не интересовались, на какие деньги она тебя словно куколку одевает, не требуя от них ни копейки. Как же она могла просить у них денег? Раечке же нужно было прилично одеваться... Если бог не наградил ни красотой, ни умом... ни сердцем, нужно было хоть нарядными тряпками держаться на уровне в обществе ее обожаемого Германа Борисовича... Что ты глаза на меня таращишь? Не привыкла слушать правду? Ну еще бы! Ты хрупкое дитя, бабушка должна была оберегать тебя, чтобы, спаси бог, до твоего сознания не дошло, что, кроме бабушки, ты никому не нужна... Жестоко? А ты не ври ни мне, ни себе... Ты эту истину поняла в дошкольном возрасте... Просто тебе было выгодно прикидываться наивным дитятей. Ты понимала, что живешь на бабушкину пенсию и этой пенсии не хватает... на твои импортные сапожки и нарядные платьица и что бабушка шьет по ночам на людей... Шьет тайно, боится, чтобы соседи «не доказали» в горфо, что шьет без патента... Как она всего боялась больше всего, чтобы «не узнали Герман и Рая», чтобы их-то не опозорить. Господи... эта старая гусыня была убеждена, что они не знают, не догадываются... о ее «незаконных заработках», что, обшивая своих старых приятельниц и их друзей, она спит по три-четыре часа в сутки, только чтобы ты ни в чем не нуждалась.

Валентина Викторовна откинулась затылком на спинку кресла и устало закрыла глаза. Сказывалась бессонная ночь в самолете.

Восемь лет назад откочевала она к сыну на Дальний Восток. И теперь, чтобы добраться до родного города, нужно было или ползти более пяти суток поездом, или сутки болтаться в самолете, если еще не застрянешь где-нибудь в чужом аэропорту из-за нелетной погоды.

За последние пять-шесть лет Валентина Викторовна неоднократно собиралась все же добраться до родного города, до родных могилок на старом кладбище... Повидаться с Антониной, возможно, в последний раз повидаться. Все-таки семьдесят лет — это уже далеко не пятьдесят... И вот не успела... опоздала. Антонина... Антоша, более чем друг, роднее кровной сестры...

Без нее и город стал словно чужим и нет желания, как мечталось, побродить по заветным уголкам, вспомнить — сколько пережито вместе — такое, что и трудно и радостно вспоминать.

Все не то... И квартира не та, где она восемь лет назад простилась с Антониной.

Ту небольшую по метражу, но трехкомнатную квартиру Антонина получила как лучшая закройщица комбината. Уже тогда она была наставницей, из-под ее крыла десятками выпархивали классные закройщицы и мастерицы-швеи. Учитывалось и то, что муж ее погиб на фронте и на ее иждивении остались дочь и две старухи: свекровь и ее одинокая больная сестра.

Жилось очень трудно. После смерти мужа Антонина превратилась в главу семьи, в единственную кормилицу.

Особенно трудно становилось, когда начала подрастать Раечка — единственное утешение матери и двух бабушек. Ей требовалось очень многое. И мать считала себя виновной в том, что не может дать дочери всего, что имели другие девочки, у которых были отцы.

Она чувствовала себя виноватой даже в том, что, сама очень миловидная и женственная, Раечку ухитрилась выродить копией свекрови.

Более двадцати лет жизнь Антонине отравляла свекровь, а потом подросла Раиса — такая же, по мнению Валентины Викторовны, ступа, чугунная, тупая, бездушная. Валентина Викторовна звала ее «Митрофанушкой в юбке».

Раиса училась в ее школе, и, что теперь греха таить, только из жалости к Антонине Раису за уши перетаскивали из класса в класс, и она с грехом пополам, на одних тройках окончила школу.

Все же и этот жалконький аттестат помог Валентине Викторовне через друзей пристроить Раису лаборанткой в НИИ.

После смерти старух жить стало полегче, а вскоре произошло чудо: на Раисином горизонте появился Герман. Молодой, очень красивый, очень одаренный. И, что важнее всего, одинокий.

Трудно предполагать, чем бы закончился первый в жизни Раисин роман. Ей было двадцать шесть лет, и она по-прежнему оставалась лаборанткой, но... в проекте появилась Томка.

Герман считал себя человеком порядочным и женился.

И вот тут начало твориться второе чудо. С неимоверными трудностями и потрясающим упорством Раиса ринулась добывать высшее образование. Вернее, диплом инженера. Возможно, заговорил инстинкт самосохранения, вернее, стремление любой ценой если не завоевать любовь Германа, то хотя бы сохранить его в качестве законного мужа.

И, разумеется, в осуществлении этой нелегкой задачи главным помощником должна была стать ее мать, Антонина — бабушка к тому времени народившейся Томки,— чтобы это уже выполнившее свою роль дитя не связало Раечке рук, не помешало ей и Герману Борисовичу в достижении их высоких целей.

Прожив уже немало лет в квартире тещи, Герман Борисович Баженов прописан был в аспирантском общежитии. Как молодой, подающий надежды ученый, он рассчитывал получить квартиру. И несколько лет назад Антонина написала Валентине Викторовне: «Герман Борисович получил однокомнатную квартиру. Им с Раечкой очень удачно удалось обменять две наши на одну четырехкомнатную. Теперь Герман имеет кабинет. Работает он очень много, и кабинет ему, конечно, необходим. У нас с Томуськой отдельная комнатка, а столовую Рая превратила в настоящую гостиную...»

Вот в этой гостиной и сидела сейчас Валентина Викторовна в глубоком, удобном кресле.

— Расскажи, Тамара, как это все произошло? С чего началось? Кто первый придумал такое?

— Ну... понимаете, тетя Валя...— замялась Томка.— Случилось так неудобно, что бабушка услышала, как папа маме сказал... Он в эти дни был очень расстроен... что-то там с диссертацией у него не ладилось. Ко мне Сережа пришел, бабушка же вам писала о Сереже?.. Раньше бабушка, когда Сережа приходил, обязательно что-нибудь придумывала: то к знакомым на весь вечер уйдет или в кино сидит... по две серии. А иногда просто в кухне стряпню затеет... А потом болеть стала, что ли... вообще-то она ни на что не жаловалась, но стала много лежать... ко мне девчонки придут, а она... лежит... И на улицу почти перестала спускаться, особенно если мороз, даже в булочную мне пришлось ходить, а иногда даже маме.

— Подожди. Что папа сказал маме? Что бабушка услышала?

— Он маме сказал: «Неужели ты не можешь ее... попросить, чтобы, когда ко мне приходят, она не...» Ну, в общем, чтобы она не выходила в гостиную... не сидела там, когда к нему сотрудники из института приходят, и вообще... чтобы телевизор в гостиной не включала... в нашей комнате стоит старый бабушкин телик, а здесь, видите, новый, цветной... поставили. Бабушка его и не любила совсем... но тут как раз ко мне Сережа пришел, а она лежала... ну она полежала, полежала... встала и пошла в гостиную, она, наверное, хотела у мамы в спальне посидеть, а мама дома была и сама отдыхала, ну она и села вот сюда в кресло у телика... А к папе пришел... этот... профессор с его кафедры и еще с ним двое. Вот папа и сказал маме, а бабушка услышала...

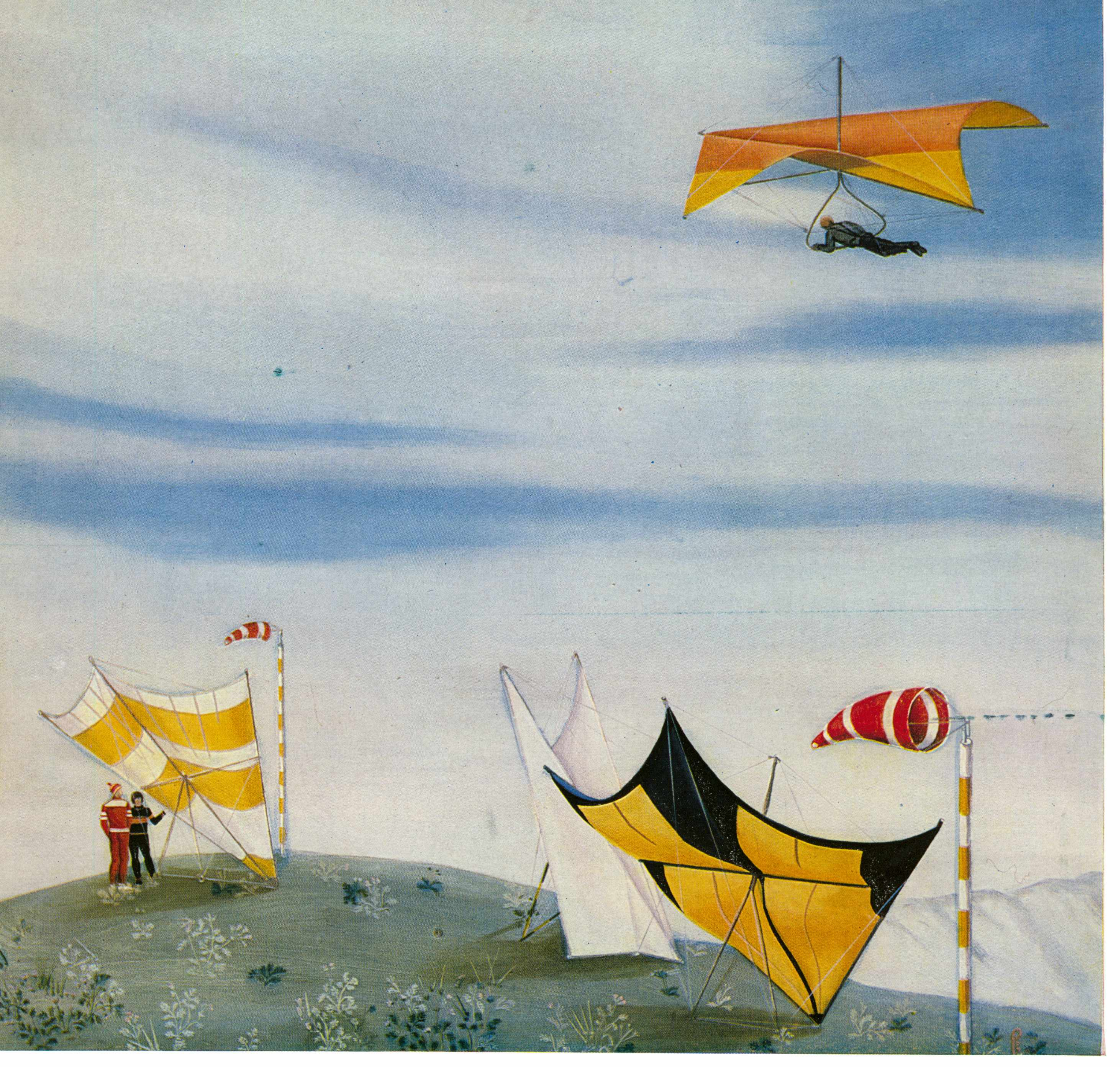
— Хорошо, достаточно о том, что папа сказал маме. Что еще было?

— Я не знаю... Вообще-то и папе и маме Сережа очень нравится... Они хотели, чтобы мы поженились... Ну, а тут папа заметил, что Сережа стал реже у нас бывать и что я... переживаю. Я тогда ревела ужасно, прямо даже заниматься не могла... Ну, папа тогда Сереже сказал, чтобы он переходил на дневное. Сережа ведь учился на вечернем, родителей у него нет, помогать некому, он и учился и работал, а это, знаете, как трудно. Папа Сереже сказал, что он с переводом на дневное ему поможет, а потом вообще заберет его к себе на кафедру, и чтобы Сережа бросал работу... но жить-то ведь ему все равно негде было, он угол снимал где-то на окраине. Вот папа и мама стали советоваться, нельзя ли бабушке

Б. Малуев. Род. 1929. БРАТЬЯ ЗНАМЕНСКИЕ.

Всесоюзная выставка «Спорт в изобразительном искусстве».

С. Мирза-заде. Род. 1944. ДЕЛЬТАПЛАНЕРИСТЫ.

Всесоюзная выставка «Спорт в изобразительном искусстве».

НЕПОСТОЯНСТВО КАИССЫ

Марк **ТАЙМАНОВ**,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

У шахматного мира двойной праздник. В Москве идет захватывающий поединок за мужскую шахматную корону, в Волгограде состязаются шахматные королевы. Чемпионка мира Майя Чибурданидзе и претендентка на это высокое звание Ирина Левитина ведут свою дуэль бескомпромиссно, живо, увлекательно, а спортивный сюжет их единоборства, пожалуй, даже острее, чем у мужчин.

Сыграв более половины матча (у них число партий ограничено шестнадцатью), соперницы еще не распределили роли, и борьба за лидерство не ослабевает. Столкнулись два сильных характера, две яркие шахматные индивидуальности. Уже шесть лет царит на шахматном троне достойная преемница несравненной Ноны Гаприндашвили — Майя Чибурданидзе. Майю даже трудно назвать королевой, она скорее принцесса. Став в 17 лет чемпионкой мира, Чибурданидзе поколебала все представления о возможностях становления творческой личности. Уже в раннем возрасте она интуитивно постигла глубокие тайны шахматного искусства и заиграла раскованно, смело, с истинно творческим размахом и вдохновением.

В шахматах, когда женщине хотят сделать комплимент, ее игру сравнивают с мужской. «Мужской стиль» был у Майи с юных лет. Пользуясь им, она достигла успехов в турнире «слабого пола», его оттачивала она и в мужских состязаниях. Как раз накануне матча с Левитиной чемпионка мира заняла почетное третье место на традиционном и весьма престижном мемориале Акибы Рубинштейна в Польше, а до этого столь же успешно выступила на международном турнире в Индии. Шутят, что в последнее время Майю мужчины даже больше побаиваются, чем женщины...

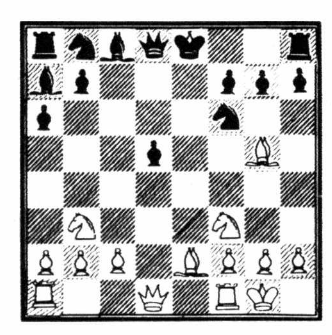
Велик реестр побед и у ее соперницы Ирины Левитиной. В 15 лет Ирина стала чемпионкой СССР среди девушек, в 17 — среди взрослых, а затем еще трижды, и притом подряд, вновь завоевала золотые медали на женских чемпионатах страны.

В борьбу за шахматную корону мира Левитина вступила еще 10 лет назад. Первая попытка была неудачной: Ирина проиграла финальный отборочный матч Н. Александрии, вторая — даже менее удачной. Но бойцовский характер ленинградки и ее настойчивость взяли свое: третье восхождение к вершине шахматного Олимпа завершилось полным успехом. Победив последовательно таких прославленных соперниц, как Н. Гаприндашвили, Н. Александрия и Л. Семенова, Ирина Левитина завоевала право на самое трудное испытание — матч с чемпионкой мира.

И вот долгожданный поединок в разгаре. Позади пять недель напряженных сражений. Изменчива была благосклонность богини шахмат Каиссы к своим избранницам. Матчевое счастье радовало их попеременно. После третьей и восьмой партий вперед выходила претендентка, после десятой в счете повела чемпионка мира.

Но не очками едиными измеряются достижения шахматисток высокого ранга. Их творчество, столкновение взглядов не менее интересны, чем конечный результат, а сыгранные партии насыщены глубоким содержанием, увлекательной борьбой, оригинальными замыслами. Не все в них гладко и хрестоматийно безупречно (последовательность не самая характерная женская черта...), но боевой дух, стремление к победе пронизывают почти каждый поединок.

Вот два характерных эпизода:

Это положение случилось в восьмой партии матча после десятого хода белых. Угроза взятия на d5 выглядит весьма неприятной для черных, и напрашиваются защитительные ходы вроде 10. ...Kbd7 или 10. ...Се6. Однако Левитина принимает более радикальное решение:

10. ...0—0 11. С : f6 Ф : f6 12. Ф : d5 Кс6

Жертва пешки за инициативу — стратегический прием, проходящий лейтмотивом в ряде партий матча Карпов — Каспаров, и в женском состязании пришелся по душе. Последним ходом Левитина отказывается восстановить материальное равенство, справедливо считая, что в случае 12. ...Ф : b2 13. Ке5 у нее могли возникнуть трудности с мобилизацией сил ферзевого фланга, и ставит своей целью быстрейшую активизацию фигур. Последовало:

13. с3 Сg4 14. h3

Естественная, но несколько поверхностная реакция на замысел соперницы. Следовало не теряя времени увести ферзя с уязвимой позиции, например, путем 14. Фе4 Лfe8 15. Фс2.

14. ...Лad8 15. Фе4 Лde8!? 16. Фс2

Отметим, что в случае 16. Ф : g4 Л : е2 инициатива черных с лихвой компенсировала незначительный материальный урон.

16. ...Cf5 17. Cd3

Все фигуры черных заняли перспективные рубежи, но положение белых еще оставалось достаточно прочным. Следовало набраться терпения и отступить ферзем на d2.

17. ...С : h3! 18. С : h7+ Kph8 19. Се4 Фf4 20. Лае1 С : g2!

Этого удара, вскрывающего положение белого короля, Чибурданидзе, вероятно, недооценила...

21. Кр : g2 Фg4+ 22. Kph1 Cb8

В этом «тихом» ходе все дело! В случае напрашивающегося 22. ...Фh3+ 23. Kh2 из атаки черных ничего не получалось. Теперь же угрожает 23. ...Ле6.

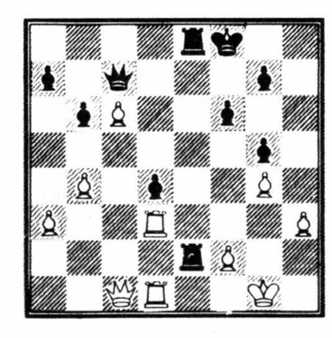
23. Kh2 Фh4! 24. f3 f5

Заключительный ход комбинации. Используя связку слона, черные восстанавливают материальное равенство и сохраняют инициативу.

25. Kd4 К : d4 26. cd fe 27. fe Сg3 28. Лd1 Л : f1+ 29. Л : f1 Ф : е4+ 30. Ф : е4 Л : е4. 31. Kf3 Ле2 32. Лg1 Cf4 33. Лg2 Ле3 34. Лf2 g5 35. Kpg2 Kpg7 36. Лс2 Kpf6 37. Kpf2 g4 38. Kg1 Лd3

И, реализуя бесспорный позиционный перевес, Левитина довела это окончание до победы.

И еще один яркий эпизод, пожалуй, самый драматический в матче.

Эта позиция возникла после 34 ходов в девятой партии. Все в ней свидетельствует об остроте предыдущего сражения. К тому же обе соперницы были в жестоком цейтноте. Ход за Левитиной, и рациональнее всего было бы разрядить напряжение форсированным вариантом — 35. Л : d4 Л : f2! 36. Кр : f2 Фh2+ 37. Kpf1 — с ничьей. Однако претендентка предпочла рискнуть. Последовало:

35. Лf1 а6 36. Л : d4,

и здесь Левитину поджидал сюрприз. Теперь уже Чибурданидзе отказалась от мирных переговоров путем 36. ...Л : f2!? 37. Л : f2 (конечно, не 37. Кр : f2 ввиду 37. ...Фh2+ 38. Kpf3 Фе2+ 39. Kpg3 Ле3+ с выигрышем черных) 37. ...Фg3+ 38. Kpf1 Ф : h3+, и ходом 36. ...Л8е3!? чемпионка мира перешла в контрнаступление.

37. Лd8+! Ф : d8 38. fe? Фс7 39. Лf4 gf, и Левитина сдалась.

Казалось бы, все просто и претендентка была наказана за излишнюю азартность игры.

Но за кулисами событий остались удивительно красивые возможности, мимо которых в цейтнотной спешке проскочили партнерши. Вернемся к позиции после тридцать седьмого хода черных.

Здесь могло возникнуть этюдное окончание: 38. с7! Лg3+ (в случае немедленного 38. ...Фс8 39. fe дела черных плохи...) 39. Kph2! (Конечно, не 39. fg ввиду 39. ...Фd4+ с быстрым матом) (39. ...Фс8! 40. Лd1!!) (на 40. Кр : g3 черные ответили бы 40. ...Ле7 с ничьей. Теперь же кажется, что угроза 41. Лd8+ неотразима. Но выводы делать преждевременно...)

40. ...Лf3!! 41. Лd8+ Kpe7! 42. Л : с8 Лf : f2+ и ничья вечным шахом. Не правда ли, эффектно?!

поехать пожить в деревню... временно, пока мы с Сережей не получим квартиру, папа бы нам помог, у него есть такие знакомые... А бабушка ни с кем не посоветовалась, сама пошла в этот... как его? Ну, в собес, ей там дали путевку в такой специальный дом, где пожилые люди живут... Она все сама устроила... Папа даже обиделся: что, говорит, о нас люди скажут? Подумают, что мы вас выгнали... А мама говорит: поехала бы лучше погостила в деревне... Бабушка говорит: в деревне родня моя — брат с женой поумирали, сестра к дочери жить уехала, а молодым... кому, говорит, я теперь такая нужна, старая, работать не могу... Ну и потом она ведь путевку уже получила... Она ни на кого не обижалась, слово даю, тетя Валя... Простилась так хорошо, меня поцеловала и велела Сереже привет передать...

— А Сережа твой, конечно, доволен, что ему так... во всех отношениях повезло?

— Зачем вы так, тетя Валя?! Сережа любит меня...

— Если бы он тебя любил, он не смог бы такую жертву от бабушки принять и тебе, дуре, объяснил бы, почему. Ну, а что было дальше? Как она там жила? Вы ездили к ней?

— Ой, тетя Валечка, мы же просто не успели...— Томка опять горестно всхлипнула, и слезы — такие обильные, такие искренние — потекли по тугим, румяным щекам.— Трех месяцев даже не прошло... Мы думали, она напишет или приедет. И вдруг извещение оттуда... А вы как узнали? Она маме и мне не велела вам писать про это... про этот дом. Кто вас известил?

— Сама она и известила. Я у внука, у Саши, в Иркутске гостила. Приехала домой — на столе письмо... Я летела, думала: заберу ее к себе... На, прочитай, может быть, поймешь, зачем она мне написала за три дня до смерти...

Этот листок нельзя было назвать письмом. Записка в две строки, написанная слабеющей рукой очень больного человека: «Валюша, прошу об одном: не осуждай Раису и Томуську. Все это я сама. Они не хотели, не пускали, я сама». Читая, Томка взвыла уже на полный голос, но тут же прихлопнула рот ладонью. Сейчас должны вернуться из института папа и Сережа, и они могут услышать ее такой некрасивый, вульгарный плач.

ИЛЬИНЫ

— Зиночка, здравствуйте, милая! Тоже на дачу? Ну, раз от своего автобуса отстали, теперь не меньше часа загорать будем. Присаживайтесь вот сюда, в тенечек.

А я вчера, знаете, так расстроилась, зашла на минутку к Рыбаковым — вот где, понимаете ли, проблема-то безвыходная. Бабушка уже второй месяц совсем не встает, а ухаживать-то за ней некому. Сами оба на работе, Женечка в институте, мальчики в школе. Посмотрела я на их беду и невольно о вас вспомнила. Вот, думаю, у Ильиных ведь та же проблема назревает. Ваша-то бабушка еще бродит?

— А у нас, знаете, никакой проблемы нет. Прежде всего у нас не бабушка, а мама... Конечно, сейчас она очень слабенькая стала, но живет, как всегда жила, в собственной квартире, одна...

— Не понимаю! Она же совершенно беспомощна и требует ухода ежедневного.

— Что же тут не понимать? Нас три пары: я с Сашей, Андрей с Людмилой и Ленька с женой, их сын.

— Но у Лени, мне помнится, уже двое своих детей?

— А бабушка, выходит, теперь ему не своя стала? Ничего страшного, один с ребятами остается, другой к бабушке едет. У нас расписание составлено, вроде календаря, понедельно. Мужики наши ей телефон отхлопотали. Иногда она сама звонит: «Не приезжайте, у меня девчонки-шефы с фабрики прибегали, все сделали, что нужно». Праздники семейные мы чаще всего у нее проводим. Напечем всякой вкуснятины, наварим-нажарим, песни все ее любимые перепоем, в картишки с ней поиграем. Часто кто-нибудь и ночует у нее...

— И все же мне непонятно, почему вы ее к себе не заберете.

— Так она же не кошка, не какой-то старый чемодан — взял за ручку и пошел. Когда папу убили, пока она в одиночку нас с Андреем на ноги поставила, она привыкла жить одна, самостоятельно, и теперь, пока она сама не захочет у меня жить или к Андрею пойти, как мы можем ей что-то навязывать?

— Но если вы не успеете произвести квартирный обмен, площадь ее пропадет,— должна же она сама-то это понимать?

— Наша мама вообще никому и ничего не должна. Должны ей мы, понимаете — мы!

— Нет, хоть убейте, не понимаю. А если она вообще не даст согласия на обмен, не захочет переехать к вам, а через месяц окончательно сляжет, что же вы тогда будете делать?!

— Я? А что потребуется, то и буду делать. Возьму отпуск без содержания, нужно будет — уволюсь.

— Но позвольте, Зиночка! Что вы говорите? Вам самой до пенсии уже не так много остается, нарушите стаж...

— Господи, Анна Васильевна! Да о чем вы говорите?! Пенсия! Квартира! Да это же наша МАМА, неужели вы этого не можете понять. Моя МАМА!

НА РОДИНЕ КОСТА

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОСТА ХЕТАГУРОВА

1

По узкой полосе предгорий между теперешними Лесистым и Сужинским хребтами Северного Кавказа на породистой лошади, украшенной дорогой сбруей, стрелой летел всадник. Хетаг, младший сын кабардинского князя Инала, бежал от преследований своих старших братьев в Иристон — горную Осетию.

Все ближе погоня. На голой равнине всадник как на ладони. До лесистых горных отрогов не доскакать — настигнут.

— Уастырджи, покровитель путников,— взмолился Хетаг,— скрой меня!

И тут от предгорных лесов отделилась роща и спрятала беглеца...

Легенда о Хетаге в Осетии передается из поколения в поколение. На трассе Орджоникидзе — Алагир вам покажут великолепную рощу с многовековыми гигантами —«кущу Хетага», ту самую, что укрыла его от погони. Уверяют, что Хетаг поселился в Нарской котловине, положив начало роду Хетагуровых, славный потомок которого — революционный демократ, основоположник осетинской литературы, поэт, первый профессиональный художник Осетии Коста Хетагуров.

Он родился 3 (15) октября 1859 года в высокогорном ауле Нар. Отец будущего поэта, Леван Елизбарович Хетагуров, прапорщик русской армии, отличился в сражениях против Шамиля. Благодаря заслугам отца Коста получил возможность обучаться в Ставропольской гимназии. В 1881 году он был принят в Петербургскую Академию художеств. Его однокашники — Валентин Серов, Михаил Врубель, Николай Самокиш.

Как выглядел аул Нар во времена Коста Хетагурова, можно увидеть на сохранившейся в Северо-Осетинском краеведческом музее пожелтевшей фотографии. Здесь ясно различается мощный боевой комплекс аула-крепости с двумя квадратными сторожевыми башнями. Та, которая повыше,— родовое гнездо Хетагуровых. Дальше по склону — дом, в котором родился Коста, а вокруг — сакли ближних и дальних родственников.

«В аулах вы не найдете ни улиц, ни дворов...— писал в замечательном этнографическом очерке «Óсоба» К. Хетагуров.— Ярусы так перепутаны между владельцами, что вы, желая, положим, попасть к своему знакомому во второй этаж, можете предварительно очутиться на крыше третьего этажа, служащей двором для дяди вашего знакомого, или в нижнем этаже наткнуться на корову его двоюродного брата».

Сейчас в ауле Нар осталось лишь незначительное количество

Коста Хетагуров. Фотография 1899 г.

таких строений. В 1979 году здесь создан музейный комплекс, стилизованный под осетинский «хадзар».

Меняется и облик Нарской долины. Спрямив серпантин Военно-Осетинской дороги, цепочкой тоннелей врезалась в Касарское ущелье ТрансКАМ — Транскавказская автомагистраль. Над Наром, как неуклюжие тонконогие жеребята, высоко нависли два моста новой дороги. Скоро родной аул поэта окажется на полуострове: после постройки Зарамагской ГЭС ущелье Нардона заполнят воды рукотворного озера.

...Изменился аул,—
Вместо сакли — турлучная хата...
И обои и печи... Висят зеркала
Вместо шашки, ружья, пистолета...
Неизменно одна над аулом скала
Диким мохом, как прежде, одета...
Также гордо молчит, тот же пасмурный взгляд
На аул, на мосты, на дорогу...
Изменяется все — и язык и наряд...

«Какую силу любви к своему народу нужно иметь,— говорил, открывая в 1939 году юбилейный вечер Хетагурова, А. А. Фадеев,— чтобы в условиях старой Осетии быть одновременно и поэтом, и художником, и драматургом, и общественным деятелем». Коста соединил в себе лучшие черты людей эпохи Возрождения, самые разносторонние дарования.

К сожалению, время не сохранило многие работы Хетагурова-художника. Неизвестна судьба картины «Шамиль», портретов ктитора станицы Вознесенской, дочери херсонского нотариуса Тимчинского. Коллекция оставшихся картин Коста, среди которых портреты, жанровые сцены, пейзажи Кавказа, собрана сейчас в республиканском музее имени М. Туганова. В Алагире недавно отреставрирована церковь, в которой восстановлена единственная дошедшая до нас фресковая живопись Хетагурова.

Значительно поэтическое наследие Коста. Еще в юношеские годы в Петербургской Академии им была написана на русском языке поэма «Чердак»— первый опыт в этом жанре. Позже появились поэмы «Перед судом», «Се человек», незаконченной осталась поэма об историческом прошлом осетинского народа «Плачущая скала». Много писал Коста и на родном языке. Лучшим его сборником исследователи считают «Ирон фандыр» — «Осетинская лира».

В юности Коста мечтал стать актером, еще в гимназии принимал деятельное участие в театральных постановках. Современники помнят его на сцене в роли Карла Моора в «Разбойниках» Шиллера, Ивана Грозного в пьесе Алексея Толстого. Коста был организатором любительских спектаклей во Владикавказе, ныне Орджоникидзе, Ставрополе, Пятигорске. «В понедельник, на масленицу—сообщала газета «Северный Кавказ»,— предстоит интересный спектакль, устраиваемый г. Хетагуровым с участием его самого в главной роли». В восьмидесятые годы все постановки владикавказского театра шли в декоративном оформлении Коста. Для театра Хетагуров написал фантазию в четырех частях «Дуня».

Известны прозаические произведения Коста: народные предания, рассказы для детей, очерки. Однажды в газетах «Казбек» и «Северный Кавказ» появилось объявление: «13 сентября, около 10 часов вечера, с открытого окна в квартире художника Коста Хетагурова похищен ящик с масляными красками, подаренный г. Хетагурову известным художником В. В. Верещагиным». Объявление умолчало, что, помимо этюдника, в тот вечер исчезла рукопись единственного романа Коста, судьба которой до сего времени неизвестна.

2

Оставив в 1885 году из-за тяжелого материального положения Петербургскую Академию художеств, Хетагуров вернулся на родину. Во Владикавказе он снял одну из комнат в доме прапорщика Петра Жукаева, переводчика при владикавказском коменданте. Как вспоминали его потомки, Жукаев принимал у себя А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Дюма.

Этот дом стал в восьмидесятые годы своеобразным центром, где собиралась образованная осетинская молодежь. Здесь в постоянном общении с прогрессивной владикавказской интеллигенцией начинался путь Коста — страстного публициста.

В те годы в Осетии не было периодических изданий на осетинском языке, и Хетагуров выступал в русской прессе. Публицистика принесла ему славу неподкупного защитника народов Кавказа, борца против нищеты, административного насилия, национальной розни.

Коста касался почти всех проблем жизни горских народов, начиная от общественно-политических и экономических и кончая бытовыми нуждами горцев. Его интересовали история и этнография осетин, сословная жизнь и классовые расслоения, национальный и аграрный вопросы.

В своих публикациях Коста пользовался весьма удачным приемом, помогавшим в условиях царской цензуры, носившей особенно жестокий характер на Кавказе. Он приводил большое количество разнообразных неоспоримых фактов, характеризовавших истинное положение дел, но при этом часто воздерживался от обобщений и прямых выводов. Излагая эти факты страстно последовательно и логично, Коста ставил читателя перед необходимостью самому сделать вывод. Нередко Хетагуров вступал в полемику с другими газетами — органами официальных властей.

В статьях, посвященных аграрному вопросу, Коста предлагал конкретные меры для смягчения земельного кризиса и облегчения участи наиболее нуждающихся крестьян.

Вершиной его боевой публицистики, высоким образцом мастерства стала статья «Неурядицы Северного Кавказа», с большим трудом опубликованная в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Здесь Коста критиковал полицейско-судебную систему, установленную царским правительством на Кавказе, особенно административную высылку за неповиновение на остров Чечень в Каспийском море. Коста посетил этот остров и воочию убедился в невыносимом положении ссыльных.

3

1886 год. Александровский проспект. Гимназистка Анна Попова все чаще замечает осетина в синей блузе художника и каракулевой шапке. «Ну, совсем нигилист»,— напишет она потом. Анна Яковлевна Попова, дочь крупного владикавказского купца, сыграла значительную роль в судьбе Коста. Известно, например, что она явилась прообразом к одной из лучших картин Хетагурова, «Скорбящий ангел», чем, кстати, художник навлек на себя обвинение в «богохульстве».

Анне Поповой адресован акростих — посвящение к поэме «Фатима», которое Коста написал на берегу Терека перед старинным домом Поповых. Обеспокоенные увлечением поэта, братья Анны

отправили сестру в Тифлис. Сохранилось стихотворение «Многоточия», сочиненное Хетагуровым в этот печальный для него день:

Высокий барский дом...
подъезд с гербом старинным...
Узорчатый балкон...
стеклянный мезонин...
Закрытый экипаж...
ямщик с пером павлиным
И с медною трубой
кондуктор-осетин...
Густая пыль столбом...
и понеслась карета...
Завод... чугунный мост... базар...
застава... степь.
Безумная!.. Постой!..
Не покидай поэта!..

В 1893—1894 годах в газете «Северный Кавказ» печаталась сатирическая поэма Хетагурова «Кому живется весело». Подражая по форме Некрасову, Коста бичевал в ней бесчинства и беззакония терской администрации. За каждым персонажем поэмы современники легко угадывали прототип. Начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска С. Каханов был выведен в поэме как Сенька Людоедов. Естественно, такую вольность поэту не простили, и он был сослан за пределы Терской области. Несмотря на репрессии, Хетагуров не оставил борьбу, и в конце концов царское правительство вынуждено было снять Каханова с должности начальника области. В 1896 году Коста удалось добиться отмены решения о высылке, и он вернулся на родину.

Вернулся Хетагуров в марте следующего года и активно включился в журналистскую работу. В статьях этого периода Коста критиковал позицию местных феодалов — алдаров, объявив их «внутренними врагами» осетинского народа.

К концу 1902 года давнее тяжкое заболевание дало знать о себе настолько, что друзья Коста стали серьезно беспокоиться за его жизнь. На следующий год сестра поэта увезла его в село Георгиевско-Осетинское, где он был практически прикован к постели.

И тем не менее в годы первой русской революции Хетагуров был в рядах своих земляков: демонстранты пели его песни «Додой» («Горе»), «Катай» («Тревога»), «Балцы зараг» («Походная песня») и другие.

«Я художник и народный поэт,— писал в автобиографических заметках Коста Хетагуров,— всю мою жизнь посвятил борьбе с администрацией Кавказа».

Я счастия не знал, но я готов
свободу,
Которой я привык, как счастьем,
дорожить,
Отдать за шаг один, который бы
народу
Я мог когда-нибудь к свободе
проложить.

20 марта 1916 года, ровно через десять лет после смерти Коста, в газете «Терек» владикавказский журналист, впоследствии видный деятель Коммунистической партии и Советского государства С. М. Киров опубликовал статью о Хетагурове. В ней были высказаны удивительно теплые слова: «С его именем в народной массе в Осетии связано все возвышенное, все лучшее, светлое и прекрасное... Коста — гений, творец, альтруист, путеводная звезда униженных и оскорбленных — вот понятия осетин, из которых слагается народный памятник поэту-гражданину».

В. ПОТРЕСОВ

Орджоникидзе — Москва.

С кем сражается председатель

В погоне за новизной мы нередко торопимся отмахнуться от того, что в свое время хорошо послужило нам. Сколько продолжает раздаваться иронических и язвительных замечаний по адресу пьес на так называемую производственную тему и торопливых прогнозов, что «центр возрождения нашей драмы» находится не в квартале деловых людей, а где-то в районе дач... Словом, когда мы не на работе!

А что произойдет, если создатели пьес вовсе перестанут видеть людей, именно делом занятых,— людей трудового подвига, отдающих себя делу щедро, от всей души... Снова ведь крен, но уже в другую сторону.

Не вернее ли продолжать исследования на магистральных руслах нашей советской драматургии...

Постановка Кировского областного драматического театра «Райская обитель» по пьесе В. Ситникова осуществлена главным режиссером Евгением Степанцевым. Все здесь решено в традиционной реалистической манере. В народном стиле выполнен по эскизу заслуженного художника РСФСР П. Вершигорова суперзанавес. За ним открывается взору правление богатого колхоза «Победа». Потом оно сменится шикарной городской квартирой, колхозной дачей, прозванной «Райским уголком», и снова колхозным правлением отстающего хозяйства «Труд» (художник-постановщик В. Пушкин).

Послушаем отзывы зрителей.

— Раньше в нашей работе встречались похожие ситуации, когда приходилось против своей совести действовать. Спектакль очень интересен. Председатели правдивы. Хорош дед-печник. Труженики села будут смотреть новую постановку с большим интересом.

(Н. П. Кузнецов, директор совхоза «Кстининский»).

— Нам предстоит решать во многом те же самые проблемы, какие решают герои на сцене. Мне далеко не безразлично, каким способом их решать: идти прямым путем, как диктует совесть, или поступать так, как часто диктуют обстоятельства.

(А. Стариков, студент Кировского сельскохозяйственного института).

— В наших силах сделать любую сельскую сторонку райской обителью не в ироническом, а в самом прямом смысле слова. И горожанам тоже есть где приложить свои силы.

(А. Фуфачев, рабочий электромашиностроительного завода имени Лепсе).

— Очень жизненно. Словно бы я не на спектакле, а в своем рабочем кабинете, в котором каждый день приходится решать самые злободневные вопросы.

(А. И. Литвинов, директор совхоза имени 60-летия СССР).

Основа успеха спектакля, как мы видим, в достоверности. Его проблемы тесно связаны с нравственной позицией действующих лиц и созвучны мыслям зрителей. Злободневны. Рядом с героями виден драматург — его добрый, с лукавинкой взгляд на дела земляков, усиленный театром в ряде сцен до сатирических уколов. Видно и стремление вместе с постановщиками и артистами как можно естественнее, без фальши показать и действительно деловые качества своих современников, и наносное...

На сцене родился удивительно цельный ансамбль. Зрителю одинаково интересны эпизодические и главные роли. Веришь доярке Жене Штиной (М. Конышева), что она всей душой болеет за свое дело. Молоденький агроном Агния Петровна (Г. Емельянова) настойчиво требует уважительного к себе отношения и забывает все обиды и неудачи, когда ей оказывают в работе настоящую деловую помощь... Запоминается дед-печник Помазкин (А. Мальцев), озорной и задорный. Очень нужны деревне такие мастера своего дела, умеющие поднять настроение людям.

Но в центре спектакля — колхозные вожаки.

Маркелов, председатель передового колхоза «Победа», в исполнении артиста Ю. Тарасова сразу располагает к себе крестьянским радушием, уверенностью опытного руководителя, хотя в нем проглядывает и хитрая привычка выглядеть простачком, чтобы в нужный момент сразить точностью знания... Невольно думается, не сбылось ли пожелание, высказанное известным хлеборобом Терентием Мальцевым: страшно хочется, чтоб агроном был философом, а философ — агрономом. Это — оружие действия.

И действительно, своими шутливыми «философскими» обобщениями Маркелов умеет огорошить либо размягчить собеседника, добиться от него содействия колхозу. Он гордится тем, что его дело не только хлеб, мясо и молоко, но строительство школы, столовой... Он заботится, чтоб «было где мыть, брить, кормить, веселить, женить»... Вот только некоторые методы деятельности Маркелова смущают. И чем дальше, тем больше. Это он приказал забрать без спросу кирпич со строительства Дома культуры в райцентре и привезти его на центральную усадьбу колхоза для второго этажа строящейся школы. Уверен был, что отделается еще одним выговором, и только.

Он покупает ворованные унитазы для детского садика. Он обещает управляющему райбанком Огородову забетонировать погребок в его личном хозяйстве и даже комбикорм подбросить, чтобы колхозу побольше выделили кредитов на строительство... И откровенно поучает молодого председателя: «Если хочешь что-нибудь сделать — изворачивайся, ловчи, с шахером-махером надежнее и быстрее...» Да, не герой. Но, возможно, отрицательное в нем — от давних межведомственных неувязок в материально-техническом обеспечении села...

Не только у самого председателя развились купеческие замашки. Личный его шофер Капитон Каплин (Н. Третьяков) и секретарша Маруся Пахомова (Г. Малышева) тоже «на хитрости замешаны, на ловкости взбиты». И в производственных и в личных делах все больше копируют отрицательные стороны своего шефа, даже любимое его присловье «все бастенько» перекочевало в их лексику.

Все глубже втягивается Маркелов в трясину торгашеского делячества, увлекая за собой других, помогая плодиться жадной своре взяточников и спекулянтов; все масштабнее становятся его незаконные сделки. Правда, тут он «уступает» главному инженеру машиностроительного завода областного центра Макееву, который потребовал дачку построить для себя на колхозные деньги, в обмен на предоставляемые колхозу заводские стройматериалы. Артист Р. Аюпов играет Макеева с тонким сарказмом. Это вежливый с виду, обходительный человек, а на деле хапуга, готовый любыми средствами зажать людей, мешающих его накопительским операциям.

Но мы видим в спектакле и совсем другую личность: главного инженера колхоза Гарольда Сереброва. Выдержит ли он в борьбе с любителями прибарахлиться за государственный счет? Ответит ли нашим возросшим требованиям к образу положительного героя среди деловых людей?

Зрительный зал внимательно следит за перипетиями борьбы, тем более острой, что с образом Сереброва связаны также раздумья автора о советской семье, о роли городского специалиста, о его культурном кругозоре... Артист М. Салес в роли Сереброва убедителен. В нем чувствуется темперамент, скрываемый под интеллигентной мягкостью. Силу, и силу немалую, дает ему дружеская поддержка единомышленников. В самое трудное для Сереброва время рядом с ним оказался его друг, журналист областной газеты Рыжов (В. Козюк), зажигательно-яркий человек. Неоценимую помощь оказал и председатель колхоза «Новый путь» Чувашов, предложив купить по себестоимости семенной ячмень — его так недоставало в «Труде»! И молодой председатель «Труда» Серебров мужает на наших глазах. На равных теперь держится Серебров с Маркеловым, мягко и остроумно сбивает самоуверенность.

Пафос спектакля — утверждение такого героя, которому хочется верить. Видишь в нем свежего человека в «председательском» корпусе Нечерноземья.

В. ПЛАСТИНИН

Киров.

Маркелов — Ю. Тарасов, Огородов — М. Обуховский.

Фото И. Потемкина

Василий ЧИЧКОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Схватка

●

Алексей по-прежнему стоял на палубе и глядел на берег, где в темноте иногда мерцали огоньки. Мысль все время возвращалась к Марине. Он перебирал в памяти прежние встречи, слова, сказанные ей когда-то, и от этих воспоминаний становилось теплее и спокойнее на душе.

Алексей не слышал, как на палубе появился Ортеба. Он огляделся. Тропическая ночь окутала корабль, и в двух шагах ничего не было видно. Осторожно ступая, Ортеба направился к мачте. Он ощупал волновод радара и, затаив дыхание, минутку постоял, прислушиваясь. Равномерно гудели двигатели, тяжело и глухо разбивались волны о борт корабля. Ортеба вынул из кармана острогубцы и перекусил провод волновода. Он сделал шаг в сторону. В этот момент корабль качнуло, и он задел пожарное ведро, которое слетело с крюка и, глухо громыхая, покатилось по палубе.

— Эй, кто там? — крикнул Алексей.

Ортеба притаился за выступом.

— Зотов? — крикнул Алексей и направился к тому месту, где висело пожарное ведро. Он наткнулся на ведро, поднял его и на ощупь повесил на крюк.

Ортеба стоял так близко, что чувствовал дыхание Алексея. «А вдруг он зажжет фонарь?» — испугался Ортеба.

Алексей повесил ведро и поднялся в штурманскую рубку.

— Заходи,— сказал Артамонов.

В рубке были Медведев и Стариков.

— Мне показалось, что на палубе кто-то бродит,— сказал Алексей.— Пожарное ведро упало.

— Когда кажется — крестись,— бросил Стариков.

— Влюбленный!—весело посмотрел на Алексея Медведев.— Были и мы рысаками когдато! И нас чудеса преследовали!

— Почему были? — сказал Артамонов.— Ты, Федот, еще хоть куда. Силы у тебя на двоих.

— Федот, да не тот! — сострил Стариков.

— А с твоей фамилией,— ответил Медведев,— за девками не приударишь. Спросят: ты кто? Старикóв.

— Любви все возрасты покорны! — воскликнул Артамонов.

У капитана было приподнятое настроение. Ему приятна была эта дружеская атмосфера в штурманской рубке, радовал ровный гул моторов корабля.

— Федот Ильич, проверь курс! — обратился к Медведеву капитан.

Тот взглянул на приборы и доложил:

— Курс триста семнадцать. Ход полный.

— Включи радар,— приказал Артамонов.— И еще раз проверь местонахождение судна.

Медведев включил радар, взглянул на экран, но изображения не было. Он выключил и снова включил. Но экран не оживал.

— Странно,— удивился Медведев.— Только что работал.— Он склонился к микрофону и сказал: — Радиорубка! Нестеров! Радар не настраивается. Срочно проверь!

В этот момент в штурманскую рубку вошли Санчес, Ортеба и Новогородский.

— Добрый вечер,— сказал Санчес по-русски.

— Располагайтесь,— предложил капитан.— Чувствуйте себя как дома.

Санчес вынул из кармана программу рейса и подошел к карте, которая лежала на столе штурмана. Все встали вокруг. Санчес некоторое время смотрел на карту и потом обвел пальцем район обследования.

— Район согласован с Институтом рыбного хозяйства,— сказал Санчес.— И надеюсь, это не вызывает у вас возражения.

— Мы готовы обследовать любой район,— ответил Артамонов.

— Вот и прекрасно! — Санчес склонился над картой.

При помощи транспортира и линейки он стал наносить на карту курсы корабля.

Медведев подошел к радару, включил его. По-прежнему на нем не было никакого изображения.

— Нестеров! — сказал Медведев в микрофон.— Ну что там с радаром?

— Не могу найти повреждение.

— Вот черт! — в сердцах сказал Медведев и обратился к Алексею: — Найди Агапова, пусть поможет Нестерову. Радар должен быть исправлен.

Алексей ушел.

От внимания Ортебы не ускользнуло то, что радар не включается. «Начало есть!» — подумал он и стал смотреть, как Санчес наносит на карту курсы корабля. Линейка и карандаш все ближе к маяку Караумилья.

Санчес передвинул линейку, и она легла точно на маяк Караумилья. Карандаш медленно двигался по линейке и остановился совсем близко от берега, на котором круглой точкой был обозначен маяк.

Санчес закончил работу и отошел в сторону. Над столом склонились Артамонов, Медведев и Стариков.

— Так близко к берегу мы подходить не можем,— первым сказал Медведев.— Район для нас незнакомый. Рифы могут быть.

— Но тут на берегу маяк! — Ортеба ткнул пальцем в карту.

— Маяки ваши как-то странно работают,— сказал Стариков.— То горит, то надолго гаснет. У нас за такую работу с маячника строго бы спросили.

— Работа маяков будет налажена,— заверил Ортеба.— Это я вам обещаю.

— Можно, конечно, не подходить так близко к берегу,— сказал Санчес.— Но мы вышли в море на разведку. А рыбы, как известно, больше у берега.

Новогородский переводил слова Санчеса. В штурманской рубке наступила долгая пауза.

— Конечно, рыбы у берега бывает больше, каждому ясно,— сказал Артамонов.—Но здесь рифы. Промышленный лов затруднен.

— Это уже второй вопрос, как ловить,— не согласился Санчес.— Нам сейчас важно выяснить, что ловить.

— Эти курсы согласованы с властями.— Ортеба говорил напористо.— Ни сеньор Санчес, ни я не вправе менять их.

— Ну, если так,— сказал Артамонов.— Пойдем этими курсами. Но мы не будем подходить к берегу на глубину менее двухсот метров.

Ортеба придвинулся к карте.

— Разумно! — согласился Ортеба, лихорадочно прикидывая в уме, как действовать дальше.

— Если нет вопросов,— сказал капитан,— займемся изучением программы рейса в кают-компании. Я сейчас туда приду.

Новогородский перевел слова капитана. Санчес согласно кивнул и ушел, а Ортеба сказал:

— Я на минутку зайду в свою каюту. У меня сейчас сеанс связи с береговой службой маяков. Я им вправлю мозги. Маяки будут работать о'кэй!

— Не по душе мне эти зигзаги,— глядя на карту, сказал Медведев, когда Ортеба и Новогородский ушли.

— Не робей, Федот! — Артамонов улыбнулся.— Они нам задачку дают. А мы ответим. Не лыком шиты.

Медведев поглядел на приборы и доложил:

— Судно в точке поворота к мысу Караумилья.

— Ложись на курс,— приказал капитан.

— Лево руля,— скомандовал Медведев.— На румбе сто пятьдесят восемь.

— Что с радаром? — спросил капитан.

— Пока не светится,— ответил Медведев.

— Поднять на ноги всех техников и электриков.

— Я этим лично займусь,— сказал Стариков и отправился в радиорубку.

— До поворота пятьдесят две минуты,— обратился Медведев к капитану.— Разрешите управление перевести на автомат. Рулевого Зотова поставлю впередсмотрящим. Пусть наблюдает за маяками.

— Добро! — сказал капитан.— Я в кают-компанию.

Ортеба вошел в свою каюту, запер дверь на ключ. Торопливо разложил на столе карту. Провел по линейке курс корабля к мысу Караумилья. Что-то сосчитал на бумажке.

— Та-ак! — Ортеба довольно потер руки.— Пятьдесят две минуты хода от поворота до мыса Караумилья. Ну что ж! Святая дева Гвадалупе, помоги грешнику Ортебе! — Он улыбнулся и неторопливо закурил.

В бога он не верил, хотя его мать была ревностной католичкой. С детства она приобщала сына к религии, заставляла посещать храм. Вместе с матерью он вставал на колени и шептал молитву. Но делал он все это машинально, думая о другом. Когда был маленьким, шепча молитву, он думал о сладостях, которые хранились в большом буфете на кухне, где хозяйничала кухарка Лолита. Если она уходила, маленький Хорхе вставал на стул и набивал конфетами карманы.

После шестнадцати лет во время молитвы он думал о девочках. Как приятно, бубня себе под нос давно надоевшие слова молитвы, думать о Кармансите. А если она здесь, в храме, то можно весело перемигнуться с ней.

Однако как только в его жизни возникали критические ситуации, он неизменно просил о помощи святую деву Гвадалупе. Он готов был страстно шептать в этот момент молитву.

Ортеба вынул из чемодана передатчик и вызвал дежурного на маяке Караумилья.

— Говорит лейтенант Ортеба.

— Сержант Солеро слушает!—послышалось в ответ.

— Вам звонил майор?

— Так точно, сеньор лейтенант. Ждем ваших указаний.

— Посмотрите на часы,— приказал Ортеба.— Ровно через пятьдесят минут выключите маяк. А потом, минут через шесть, включите.

— Будет исполнено! — ответил сержант.

— Но если ошибешься хоть на одну секунду, сержант Солеро,— грозно произнес лейтенант Ортеба,— я отверну тебе голову.

— Понял,— четко ответил сержант.

Ортеба спрятал в чемодан передатчик, вынул оттуда открытую пачку сигарет и положил в карман. Сигареты были с двойным фильтром. В табак добавлено сильное снотворное.

Медведев по-прежнему стоял у стола, проверяя курсы и высчитывая время от одного поворота до другого. Он не слышал, как в рубку вошел Ортеба. Он даже вздрогнул, когда тот дотронулся до его плеча.

Ортеба весело улыбнулся и, кивая в сторону маяка Караумилья, показал большой палец.

— Это верно! — улыбнулся в ответ Медведев.— Маяк работает. Значит, ты дал им вздрючку.

Лейтенант стукнул себя в грудь и повторил: «Вздрючка».

Оба засмеялись. Медведеву нравился этот парень. «Из богатых, видать, но ничего, весе-

Продолжение. См. «Огонек» № 42.

лый!» Медведев обладал натурой широкой и доброжелательной. И когда он знакомился с людьми, он всегда старался открыть в человеке какие-то добрые черты. А ведь в каждом человеке есть что-нибудь доброе. Бывало, конечно, что Медведеву приходилось разочаровываться. Но это не мешало ему быть верным своему принципу в отношении к людям.

Ортеба вынул сигареты «Филипп Моррис». Взял одну себе и предложил Медведеву.

Медведев не отказался. Он понюхал сигарету. Пахла она приятно.

— Филипп Махорис,— улыбнулся Медведев.

Ортеба окликнул Зотова и протянул ему пачку. Но тот не курил и поэтому отрицательно покачал головой. Ортеба щелкнул зажигалкой. Зажигалка была золотая, с каким-то замысловатым вензелем. Сначала он дал прикурить Медведеву, затем и сам прикурил. Сделав затяжку, лейтенант изобразил на лице умиление. Медведев тоже глубоко затянулся.

— О'кэй! — сказал лейтенант и, похлопав Медведева по плечу, ушел. Выйдя на палубу, он тут же бросил сигарету за борт.

— Ну, как там маяки? — спросил Медведев у Зотова.

— Порядок!

Медведев поставил на стол пепельницу и, продолжая курить, снова принялся рассчитывать курсы корабля.

«От этой точки до этой,— бормотал он себе под нос,— тридцать две минуты. Трал будем сбрасывать на двадцатой минуте».

На листке бумаги, лежавшем на столе, росла колонка цифр...

Докурив сигарету, штурман вдавил ее в пепельницу и подошел к микрофону:

— Нестеров!

— Слушаю.

— До сих пор радар не наладили?

— Сбились с ног,— сказал Нестеров.— Всю схему проверили, а повреждения найти не можем.

— Мастера! — усмехнулся Медведев.— Вам бы гусеничные трактора кувалдой ремонтировать. Кровь из носа, а радар надо сделать! — Выключив микрофон, Медведев снова крикнул Зотову: — Как маяк?

— В порядке! — ответил впередсмотрящий.

Штурман потер виски.

— Голова какая-то чумная стала,— сказал Медведев.

— Привыкли к своему «Беломору»,— весело отозвался Зотов.— А тут Филипп да еще Махорис.

— Твоя правда,— согласился Медведев.— Надо курить то, к чему привык. Я вот помню: в войну приловчился к махорке. Скрутишь, бывало, самокрутку, задымишь. И так славно. А дадут папироску или легкого табачку — никакой радости. Только кашляешь как окаянный, аж кишки наружу вылезают.

— Привычка свыше нам дана! — глубокомысленно изрек Зотов.

Ему было весело. Он вспоминал джинсы в «коленочках жмешь», которые видел в витрине магазина. Он точно подсчитал, что денег, которые ему дадут, хватит на джинсы и еще кое на что. Он уже, наверное, в десятый раз рисовал такую картину: стоит его Галочка у входа в кинотеатр «Орион», а он специально опаздывает. Выходит вдруг из-за угла и прямым курсом на нее. А она смотрит и не узнает. «Да нет, разве это он, Юрка!» Зотов уже не раз повторил эти слова, точно угадывая интонацию Галки.

— Я посижу чуток в кресле,— сказал штурман Зотову.— А ты докладывай обстановку.

Медведев взглянул на часы, которые укреплены на переборке. Они показывали час тридцать минут. До поворота было еще двадцать пять минут. Штурман потер виски и, откинувшись в кресле, закрыл глаза. «Стареть, видать, стал,— подумал Медведев.— Пожалуй, и правда надо переходить на преподавательскую работу. Такого, как сейчас, со мной никогда не бывало...»

В этот поздний час корабль жил своей обычной жизнью. В машинном отделении ярко горел свет. Дежурный моторист поглядывал на приборы. Тахометр показывал, что двигатели работали на полную мощность.

В радиорубке электрики во главе со Стариковым по-прежнему пытались наладить радар. Стариков торопил электриков, и это создавало нервную обстановку в радиорубке. Наверное, поэтому Нестеров и Агапов, опытные электрики и радисты, никак не могли найти причины повреждения.

В кают-компании Артамонов и Санчес горячо спорили о программе рейса, о том, какие районы надо обследовать прежде всего. Новогородский переводил, а Ортеба сидел чуть сбоку, так, чтобы капитан не видел его лица. Новогородскому лицо Ортебы было хорошо видно. И он заметил, что Ортеба занят какими-то своими мыслями и вмешивался в разговор, видимо, только для того, чтобы не привлекать к себе внимания.

Иногда Ортеба незаметно поглядывал на часы. Он еще и еще раз прикидывал всевозможные варианты исхода задуманного им дела. Слишком много было пока неизвестных. Сработала ли его сигарета? Даже если штурман уснул, корабль может остановить тот паренек. Вовремя ли выключится маяк?

Свободные от вахты матросы спали в каютах. Только Алексей бодрствовал. Он сидел за столиком и писал письмо Марине. А может, это и не письмо. Отправить его было невоз-

можно. Просто Алексею хотелось рассказать о том, что происходит у него сейчас в душе. Когда вернется, встретит Марину, прочтет.

«Вот сижу в каюте, и кажется, что встреча с тобой была ненаяву. Мистификация какая-то! Удивительный сон! Плыл, плыл две недели, и от далекой морской дороги приснилось все это. А теперь снова каюта и ровный гул двигателей. Ну и пусть это был сон! Пусть! Сколько он всколыхнул во мне разных чувств и воспоминаний... До боли явственно я ощущаю наши прежние встречи, твои слова, твой взгляд, твои жесты...»

Алексей откинулся на спинку стула. «Я так жду встречи с тобой!» — откуда-то издалека прозвучали слова Марины, сказанные три года назад, когда они шли к Алексею домой. В тот день Марина должна была познакомиться с матерью Алексея.

В ожидании встречи Вера Леонидовна испекла печенье с орехами, открыла банку варенья. Алексей хорошо помнил взгляд матери, когда они вошли. Взгляд настороженный, испытывающий. Марина улыбнулась. Легкая ямочка заиграла на ее щеке, и мать ответила улыбкой. «Как будто все это было вчера», — подумал Алексей и снова взялся за перо...

Корабль шел полным ходом к мысу Караумилья. Все ближе маяк, все ярче его свет. Он выхватывал из темноты грозные скалы. Когда свет пропадал, темнота снова сковывала все вокруг.

Но вот прошла секунда, маяк больше не зажигался.

— Заело у них там, что ли? — без особой тревоги сказал себе Зотов.

Время шло, а свет маяка не появлялся. Корабль несся в темноту. Рулевому Юрию Зотову вдруг стало не по себе.

— Маяк Караумилья погас! — крикнул Зотов штурману.

Не получив ответа, он заглянул в штурманскую рубку: штурман сидел в кресле, уронив голову на грудь.

Часы на переборке показывали 01.52. На эхолоте глубина 230 метров. Машины по-прежнему работали на полный ход.

— Товарищ штурман! — крикнул рулевой.— Федот Ильич!

Он взял штурмана за плечи, потряс его, оторвал от спинки кресла, но голова Медведева была по-прежнему безжизненно опущена на грудь.

Зотов отпустил штурмана и некоторое время испуганно глядел на него. Ему вдруг показалось, что штурман умер. Он слышал, что так тихо умирают от сердечного приступа. Пощупал пульс. Сердце у штурмана билось нормально. Слава богу! Значит, обморок! Зотов полез в аптечку, чтобы найти нашатырный спирт. Он хватал пузырьки, но нужный не попадался под руку. И тут взгляд его остановился на эхолоте. Он показывал тридцать метров глубины. Зотов рванул ручку телеграфа на «стоп».

Впереди, где сплошной стеной стояла темнота, вспыхнул яркий свет маяка. Свет был так близко, будто на носу корабля, на его полубаке.

Зотов инстинктивно закрыл лицо руками... В это мгновение судно со всего хода налетело на рифы. Будто гром прогремел в ночи. В этом громе смешались сотни звуков: скрежет железа и треск ломающихся деревянных ящиков в трюме, грохот бочек, катящихся по палубе, лязг железных цепей, на которых укреплены шлюпки.

И вдруг все смолкло. Слышны были лишь самопроизвольные негромкие удары рынды — судового колокола на баке. Было что-то траурное в этом протяжном звуке, который, казалось, доносится с заброшенного людьми погоста...

В рубку вбежал капитан и прокричал в микрофон:

— Тревога!

Медведев открыл глаза, непонимающе посмотрел на капитана и снова их закрыл. Капитан рванул ручку телеграфа на средний, потом на полный назад. Судно вздрогнуло, но не сдвинулось с места.

Капитан опустил руки и сразу как-то обмяк. Он взглянул на штурмана, потом устало посмотрел на Зотова:

— Что же ты, эхолота не видел?

— Подумал, штурман умирает. Пока возился...

— Болван ты, а не рулевой! — беззлобно сказал Артамонов.

— Товарищ капитан, — раздалось в динамике.— Через пробоину в машинное отделение пошла вода. Насосы не успевают откачивать.

— Аварийной партии завести пластырь и заделать пробоину. В радиорубке установить связь с портом и вызвать спасательное судно.— Голос капитана приобрел силу.

Корабль все сильнее кренился. Огромные океанские волны подхватывали его и били об острые выступы скал. При каждом ударе волн гулко громыхал железный корпус корабля.

Из всех людей, которые были здесь, только Ортеба оставался спокоен. Войдя в свою каюту, он запер дверь, сел в кресло и закрыл глаза. Он испытывал ту усталость, которая наступает после долгого напряжения. Но позволить себе расслабиться Ортеба не мог. Он резко поднялся, вынул из чемодана передатчик, настроил на нужную волну и, когда услышал голос майора Мартинеса, сказал:

— Корабль болтается у берега с пробоиной. Постарайтесь, чтобы спасательное судно не торопилось. А сержанту, который дежурит на маяке, объявите благодарность.

От сильного удара о скалу лопнул шов на металлической обшивке корабля. В образовавшуюся широкую щель хлестала вода. Никаким аварийным пластырем нельзя было закрыть эту длинную и широкую щель. Вода сбивала матросов с ног. Насосы не успевали откачивать воду. Корабль бросало на скалы. И корпус его гудел, будто кто-то изо всех сил бил молотом по гигантской пустой бочке, натужно трещал. Вот-вот швы корпуса не выдержат мощных ударов и лопнут... И тогда быстро затопит трюм.

Матросы снова и снова заводили аварийный пластырь. Воды уже было по пояс. Появился Стариков. Он что-то кричал матросам, но голос его тонул в железном грохоте. Стариков понял, что матросам не удастся завести аварийный пластырь. Он решил пробраться в машинное отделение и оттуда связаться с капитаном.

В машинном отделении воды было тоже выше коленей. Стариков схватил переговорник.

— Дмитрий Сергеевич! — кричал он в трубку.— Пробоину заделать невозможно. Корпус лопнул по шву. Судну грозит опрокидывание.

— Покинуть машинное отделение и трюм,— приказал капитан.

Стариков направился в трюм. Вода все прибывала. Идти было трудно, иногда он спотыкался и падал, продвигаясь вплавь. Добравшись до трюма, Стариков сделал знак матросам, и те, бросив аварийный пластырь, двинулись к трапу. Последним трюм покинул Стариков. Едва он ступил на трап, погас свет. Электродвижок захлебнулся и встал.

При свете аварийных фонарей моряки спустили шлюпки на воду.

— Оставить судно,— скомандовал капитан.

В первую шлюпку прежде всех усадили Санчеса, Ортебу и Новогородского. Зотов и Алексей привели под руки штурмана и посадили вместе с ними.

Алексею тоже нужно было бы прыгнуть в эту первую шлюпку. Но он вспомнил, что у него в каюте осталось письмо и маленький индеец из черного дерева... «Говорят, что этот индеец оберегает от беды»,— вспомнились слова Марины. Алексей рванулся в каюту. Корпус корабля резко накренился. Палуба уходила из-под ног.

Алексей добрался до каюты. Схватил недописанное письмо, отыскал в тумбочке маленькую фигурку индейца и быстро стал выбираться на палубу.

Когда он появился на палубе, все, кроме капитана, были в шлюпках. Капитан крикнул что-то, но Алексей не разобрал его слов. Он прыгнул в шлюпку, и только после этого капитан, сняв фуражку, покинул корабль.

Радист Нестеров стрелял из ракетницы в воздух. Красные ракеты долго висели над местом аварии, освещая кроваво-красным светом корабль, на который тяжело наваливалась океанская волна и била его о скалы.

Продолжение следует.

1.

17 декабря 1926 года в Москве началась перепись населения, которая продолжалась в 1927-м. Она проходила под девизом «Социализм — это учет».

«Правда» писала: «Мы кладем сегодня первый ряд кирпичей в фундамент нашего социалистического учета. Этот первый ряд является также и основным, ибо учет всей системы хозяйственной и общественной жизни должен начинаться выявлением основного ее слагаемого и основного ее двигателя, имя которому человек».

На снимке: сестра-переписчица вносит имя новорожденного в список граждан СССР.

№ 1.

2.

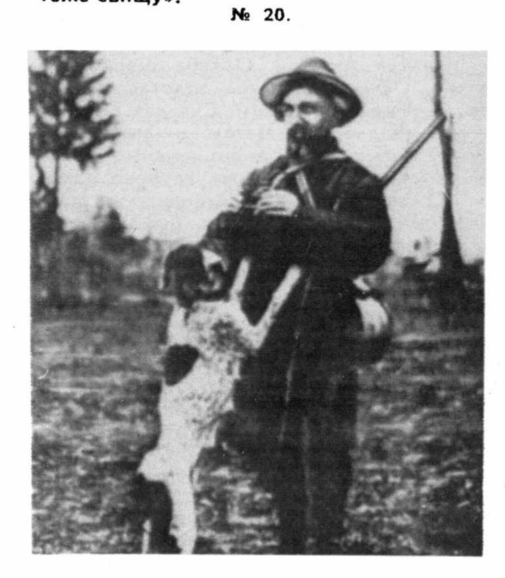
Замечательный наш писатель Михаил Пришвин был страстным охотником. Но в то время, к которому относится этот снимок, он уже не стрелял ни по птице, ни по зверю. Он выходил в поле, держа ружье за спиной, а в руках у него был бинокль.

Очерк Михаила Пришвина, иллюстрированный этим снимком, называется «Охота с биноклем».

Вот несколько строчек:

«Пролетайте же, гуси мои и дорогие журавли, вы меня не тревожите, как в прежние годы, несбыточным посулом,— я теперь догадался, в чем дело... Пойте, неуемные скворцы, свистите, говорите разными голосами над шумящим потоком, я теперь сам скворец и тоже свищу».

№ 20.

3.

Вмешательство Соединенных Штатов Америки во внутренние дела стран Центральной Америки, в частности Никарагуа, имеет давнюю историю. Менялись президенты, придумывались различные предлоги для вторжений, но цель всегда и везде была и есть одна: лишить другие страны независимости, подавить волю их народов к свободе, подчинить своему диктату.

Армия США в январе 1927 года высадила десант в долине Фонсэка и заняла столицу республики — город Манагуа.

Ничего не скажешь — блестящая победа стратегов северного колосса, чьих бравых солдат вы видите на улице Манагуа!

Они хотели бы повторить этот исторический кадр сейчас. Но времена уже не те...

№ 6.

4.

Снимок трагичен не только потому, что на нем изображен слепой нищий со своей маленькой дочкой на улице итальянского города Нерви.

Немецкий фоторепортер Карл Делиус, сделавший его, был приговорен тогдашними итальянскими властями «за выявление нищеты» к месячному тюремному заключению и последующей высылке из страны.

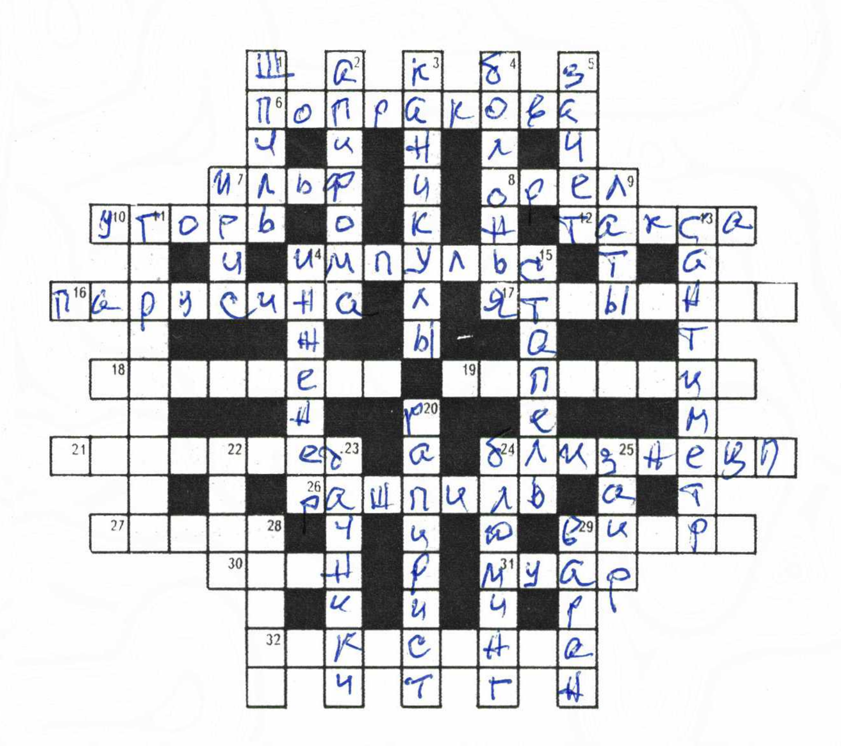
Между тем разглагольствования о «свободе печати» были на Западе в те времена так же популярны, как и в наши дни.

№ 16.

СО СТАРЫХ СТРАНИЦ «ОГОНЬКА» 1927 год

ОГОНЕК

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Действующее лицо драмы Л. Н. Толстого «Живой труп». 7. Советский писатель-сатирик. 8. Областной центр в РСФСР. 10. Ценная промысловая морская рыба. 12. Охотничья собака. 14. Побудительная причина к действию. 16. Плотная льняная ткань. 17. Лечебное травянистое растение. 18. Вспомогательная астрономическая труба. 19. Радиоактивный химический элемент, металл. 21. Советский литературовед. 24. Зодиакальное созвездие. 26. Разновидность напильника. 27. Лицевая сторона медали, монеты. 29. Герой повести Ю. Семенова. 30. Деталь ременной передачи. 31. Плотная шелковая ткань, переливающаяся различными оттенками. 32. Песня Э. Колмановского на слова Л. Ошанина.

По вертикали: 1. Вертикальное остроконечное завершение здания. 2. Значимая часть слова. 3. Перерыв в занятиях учебных заведений. 4. Город в Италии. 5. Форма проверки знаний студентов. 7. Декоративное растение, цветок. 9. Металлические доспехи. 11. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 13. Единица длины. 14. Специалист с высшим техническим образованием. 15. Наклонная бетонная площадка для постройки судов. 20. Спортсмен-фехтовальщик. 22. Советская писательница, автор исторических романов. 23. Пьеса М. Горького. 24. Прокатный стан. 25. Государство в Центральной Африке. 28. Измерительный подковообразный инструмент. 29. Ящерица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 7. Вагранка. 8. Рыльский. 9. Евстигнейка. 11. Медаль. 12. Амплуа. 13. Сенаж. 15. «Ханжа». 16. Орлан. 17. Пескарь. 18. Кроль. 20. Кнехт. 22. Альма. 25. Шпинат. 27. Студия. 28. Копулировка. 29. Магеллан. 30. Кондиция.

По вертикали: 1. Хабанера. 2. «Юность». 3. Табидзе. 4. Граница. 5. Флейта. 6. Лигатура. 9. Еманжелинск. 10. Аспирантура. 13. Стела. 14. Журуа. 19. Репортаж. 21. Хризолит. 23. Любляна. 24. Метрика. 26. Тополь. 27. Савина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кебба Сункунг Сингате из Гамбии станет врачом. (См. в номере материал «С дипломом Университета дружбы».)

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В старом парке.

Фото В. Опалина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 251-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 01.10.84. Подписано к печати 16.10.84. А 00435. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 674 000 экз. Изд. № 2677. Заказ № 3469.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ФАКЕЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ

Заголовок объясняется тем, что в нынешнем году воронежская футбольная команда «Факел» задолго до окончания чемпионата обеспечила себе право выступать в следующем сезоне в высшей лиге.

Команда смотрела «Чучело» Ролана Быкова. Фильм откровенный, жесткий, даже яростный. Из кинозала мы шли вместе с полузащитником Оганесом Мхитаряном. Долго молчали. Потом я сказал ему:

— А ведь страшно, правда?

— Да, страшно,— ответил он.— Страшно, когда человек жесток уже в детстве. Потом его трудно будет переделать.

Оганес до 17 лет жил в Тбилиси, где играл за одну из юношеских клубных команд. Его не могли не заметить. Выделялся он высокой техникой, хорошим видением поля, пониманием игры. А еще какой-то удивительной деликатностью по отношению к сопернику, а то и просто наивной незащищенностью. Вот уже пять лет Мхитарян — в воронежском «Факеле».— Ну, а характер так и остался прежним?— спросил я старшего тренера команды Виктора Семеновича Марьенко.

— Пусть будет таким, каков есть,— ответил Виктор Семенович.— За то его и любят.

...Построились. Как и перед календарной игрой, в ряд. У них так принято перед тренировкой. Марьенко, как всегда, был немногословен. Поблагодарил за хорошую игру, за то, что команда выполнила тренерскую установку. Еще добавил, что особенно важно то, что команда проявила должные волевые качества в игре против слабого соперника, ведь побежденный омский «Иртыш»— на последней строке турнирной таблицы.

— Я верю,— заключил старший тренер, что все оставшиеся семь игр мы проведем столь же собранно. Каждый матч — подготовка к будущему году, к выступлению в высшей лиге.

Но на следующий день матч против кемеровского «Кузбасса» «Факел» проиграл. Проиграл на своем поле, где за весь сезон потерял лишь одно (!) очко. Проиграл команде, затылком ощущающей холодное дыхание нижеследующей, второй лиги. Проиграл не случайно, хотя и со счетом 0:1. Проиграл по делу, по игре — апатичной, безвольной, неуклюжей.

Марьенко был мрачен.

Заслуженный тренер РСФСР В. С. Марьенко хорошо знаком любителям футбола. Золотые медали московских торпедовцев в 1965 году, серебряные в 1964-м — это Марьенко. Неожиданный взлет свердловского «Уралмаша» 15 лет назад — это Марьенко. Стабильно сильны выступления ярославского «Шинника» в середине семидесятых — это тоже Марьенко.

И вот — «Факел», команда, которая уже двадцать лет не питает, как говорится, никаких иллюзий. В 1981 году — двенадцатое место в лиге. На том Виктор Семенович команду и принял, а в 1982 году «Факел» занял пятое место, в следующем — третье.

О причинах успеха. Прежде всего Виктор Семенович сплотил команду, создал в ней атмосферу доброжелательности.

Однако острые моменты у «Факела» случаются не только на поле. Взять хотя бы «проблему Пимушина». Его, лучшего бомбардира команды и одного из лидеров лиги по забитым мячам, в самый разгар сезона решили... отчислить за срывы в игре, за безволие.

Перед этим у «Факела» была блистательная серия кубковых матчей. Выигрыши у «Текстильщика», «Жальгириса», «Пахтакора» и, наконец, у московского «Спартака» (два безответных мяча). Воронежцы попали в полуфинал! И на том новоиспеченный мастер спорта Виктор Пимушин сломался. В игре с кутаисским «Торпедо» его на поле будто и вовсе не было. Закупорил Пимушин центральную зону, стоит, а вся игра — мимо него.

В общем, встряхнули лучшего бомбардира крепко, остался в команде, заиграл намного лучше.

В разгар нынешнего сезона из команды выбыл один из лучших ее игроков, полузащитник Валерий Шмаров. И были досадные, подчас обескураживающие поражения. Тем не менее задолго до окончания чемпионата команда обеспечила себе право выступать в будущем году в высшей лиге. Класс есть класс!

Этот класс — в сбалансированности линий защиты и атаки. Особенно хороша у «Факела» защита, по содержанию игры и по результативности: меньше всех мячей пропущено в лиге. Два равноценных, два надежных вратаря — А. Ширяев и В. Меровщиков. Настолько равноценных, что играют через раз: матч — ты, матч — я.

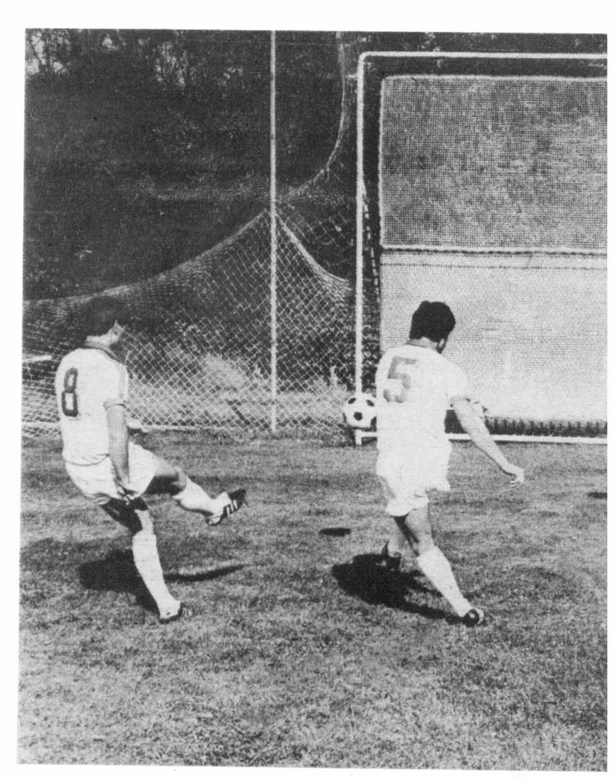
В будущем году мы увидим, как мудро руководит действиями товарищей капитан команды, опорный защитник Сергей Савченков, который к тому же нередко забивает голы, решающие исход матча. Увидим полузащитника Владимира Соколова, который, несмотря на свои 32 года, выполняет едва ль не самый большой объем игровых действий, который при своем просто миниатюрном росте всегда в гуще отчаянной борьбы и столкновений, всегда борется и часто выигрывает верховые мячи.

«Факел» уже давно готовится к выступлениям в высшей лиге. Там все нужно делать быстрее. Современный футбол — это пас на опережение, это четкая взаимозаменяемость игроков в любых ситуациях. Марьенко учит современному футболу. «Игра должна быть прежде всего зрелищем. Народным зрелищем,— утверждает он.— Игра должна быть красивой».

Хочется верить, что появление новичка в избранном футбольном обществе окажется счастливым. Впрочем, не будем забегать вперед. Напомним только, что многие новички как появлялись в этом обществе, так и исчезали из него. Однако и вспомним, что против сильных «Факел» играет лучше, чем против иных. Стало быть... Но не будем забегать вперед...

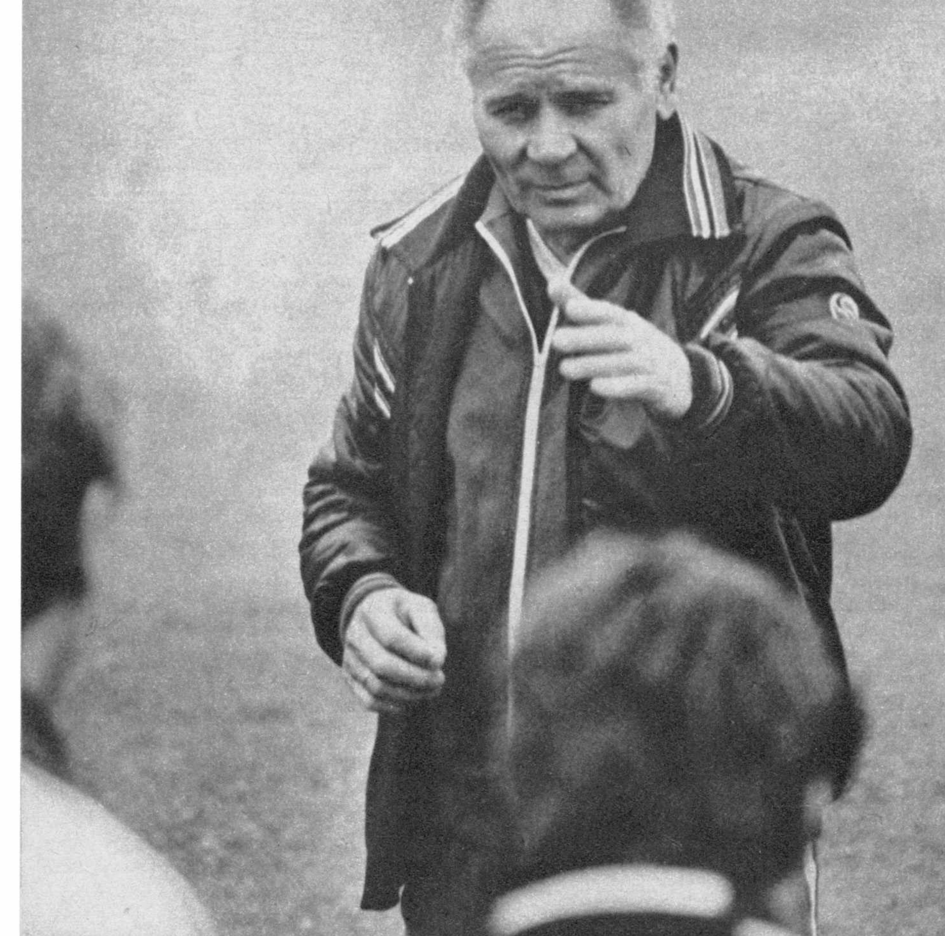
Матч с «Кузбассом» (Кемерово).

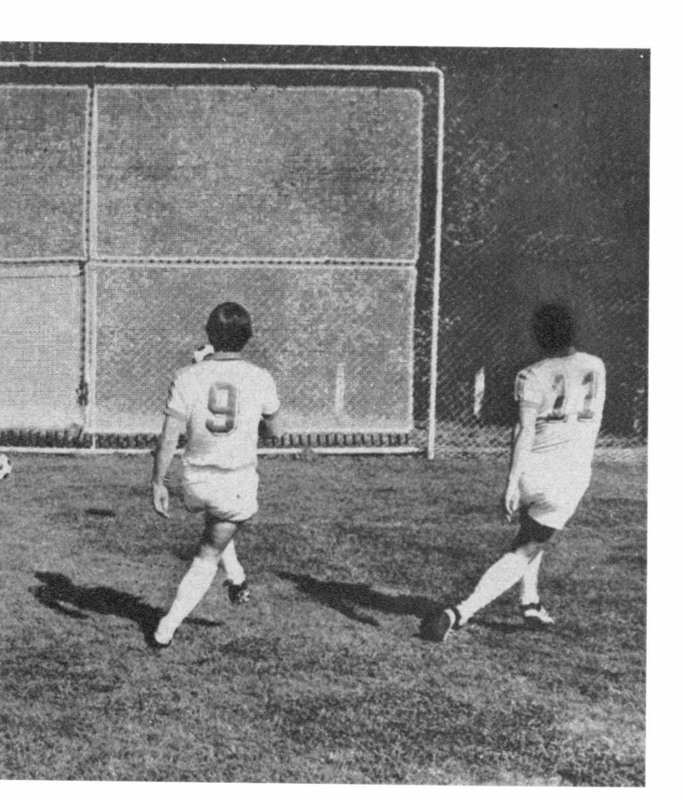
Отработка удара.

Старший тренер команды В. С. Марьенко.

Команда «Факел».

На берегу Дона.

В воротах — В. Меровщиков.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663